

ISSN 0131-5994
РОВЕСНИК
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА
№ 4/87
Апрель
XX СЪЕЗД ВЛКСМ

В. АКСЕНОВ,
председатель Комитета
молодежных организаций СССР

ВРЕМЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА БУДУЩЕЕ

Крупнейшим событием между XIX и XX съездами ВЛКСМ стал XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве. На снимке: седьмой день фестиваля — День Советского Союза, и, естественно, те, кого подружила Москва, пришли в этот день на Красную площадь.

Началом важнейшего и крутого поворота в деятельности нашей партии, в жизни всей страны стали апрельский Пленум ЦК КПСС (1985 год), XXVII съезд партии. Вновь и вновь обращаясь к документам съезда, его историческим итогам, мы убеждаемся в том, что стратегический характер принятых на нем решений предопределил особую роль этого высшего форума советских коммунистов в политической биографии партии, Советского государства, в судьбах всего человечества. Никогда еще перед нашей партией во внешнеполитической сфере не стояли такие сложные и ответственные задачи. Никогда еще не был так сложен и насыщен противоречиями мир, в котором мы живем. С другой стороны, есть все основания утверждать, что никогда еще со времени Ленина наша партия не была вооружена столь глубокой, всесторонней, теоретически обоснованной эффективной программой международной деятельности. Съезд советских коммунистов решительно и твердо заявил: общественный прогресс, процессы социального и национального освобождения народов, жизнь человеческой цивилизации должны продолжаться без угрозы термоядерного уничтожения. И этот вывод КПСС основывается не только на присущем коммунистам чувстве исторического оптимизма и вере в разум и здравый смысл людей. Он основывается на научном анализе реальностей современной эпохи, ее противоречий, тенденций и закономерностей, сделанном в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. Такие события международного значения, как Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева от 15 января 1986 года, односторонний мораторий на все ядерные взрывы, встреча в Рейкьявике, продемонстрировали новое мышление, которое Советский Союз предложил человечеству в решении международных проблем. Состоявшийся в Москве форум «За безъядерный мир, за выживание человечества», широкий позитивный резонанс, вызванный предложением М. С. Горбачева по ракетам средней дальности, явились свидетельством признания нового мышления мировой общественностью.

В канун XX съезда ВЛКСМ в активе Ленинского комсомола, советских молодежных организаций не просто перечень различных акций и мероприятий в защиту мира, таких, к примеру, как Марш мира советской молодежи, идущий по всей стране, но прежде всего целенаправленная работа по воспитанию в каждом молодом человеке чувства ответственности за судьбу планеты, упорный поиск конструктивного сотрудничества всех молодежных антивоенных сил планеты.

Именно в контексте этих усилий на международной арене следует оценивать важность того факта, что сегодня наши связи и контакты, отношения сотрудничества осуществляются более чем с двумя тысячами молодежных, студенческих и детских организаций из 150 стран. Ленинский комсомол, советские молодежные организации вносят свой вклад в борьбу против ядерной угрозы, участвуя в кампании ВФДМ «Нет места оружию в космосе!», во Всемирной кампании за разоружение, объявленной ООН. Веское слово советских юношей и девушек в защиту мира прозвучало на Всемирном конгрессе, посвященном Международному году мира, в Копенгагене. Являясь вице-президентами Всемирной федерации демократической молодежи (ВФДМ) и Международного союза студентов (МСС), Ленинский комсомол и КМО СССР активно сотрудничают с международными и региональными молодежными и студенческими объединениями. Успешно сотрудничают советские молодежные организации с организациями и учреждениями ООН и ЮНЕСКО. Новым качественным этапом в развитии этого сотрудничества стало участие советских юношей и девушек в Международном годе молодежи и Международном годе мира. За активный вклад в осуществление целей и задач ООН Комитет молодежных организаций СССР получил статус ассоциированного члена Организации Объединенных Наций.

Все это позволяет говорить о возросшей роли ВЛКСМ в международном молодежном движении. И об этом же убедительно свидетельствуют итоги XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве, прошедшего под знаком высокой ответственности молодого поколения земли за будущее. Той ответственности, о которой сказал на торжественном открытии фестиваля Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев: «Каждый должен спросить себя: что сделал он для того, чтобы ядерное оружие никогда не было боль-

ше пущено в ход — ни на Земле, ни в космосе, чтобы оно вообще было устранено полностью и навсегда. Спросить и сделать то, что он может для нашего общего дома — планеты Земля».

Форум юности планеты в Москве стал самым представительным за всю историю фестивального движения. В нем участвовала почти 21 тысяча делегатов из 157 стран мира и из Западного Берлина, а также 86 молодежных и студенческих международных и региональных объединений. В фестивале приняли участие 12 тысяч зарубежных и 13 тысяч советских туристов, более трех тысяч журналистов (из них свыше тысячи зарубежных).

В Москву прибыло более 200 почетных гостей Постоянной комиссии Международного подготовительного комитета (ПК МПК) и Советского подготовительного комитета — видные деятели международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движений, руководители международных молодежных организаций, представители Всемирного Совета Мира, Международной демократической федерации женщин, известные деятели культуры. Такое внимание международной общественности к московскому форуму — еще одно свидетельство его значения для дела мира.

О программе фестиваля, его политических итогах немало написано и сказано. И все-таки еще раз отмечу: все, что происходило на самом фестивале, было предопределено его подготовкой, как бы запрограммировано в ходе откровенных, демократических дискуссий на заседаниях МПК, Постоянной комиссии XII Всемирного, в работе национальных подготовительных комитетов.

Прошедший после Московского фестиваля период позволяет со всей определенностью говорить о том, что его итоги получили повсеместно позитивную оценку. XII Всемирный имел большое значение для развития международного молодежного и студенческого движения, он позволил углубить взаимопонимание и культуру диалога молодежи планеты, сделать действенней ее совместные выступления в борьбе против ядерной угрозы, за мир и разоружение, придал молодому поколению новый мощный заряд веры и энергии в его благородной борьбе за идеалы мира и гуманизма.

Фестиваль стал новой вехой в укреплении антиимпериалистической солидарности, расширив политический размах и обогатив содержание фестивального движения. «Уникально широкий по своему составу XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов,— говорилось в Обращении к молодежи и студентам мира, принятом участниками фестиваля,— продемонстрировал общее стремление молодых людей во всем мире, представляющих различные политические взгляды, развивать контакты и обмены и выступать за совместные действия за мир, разоружение, свободу и справедливость на благо новых отношений дружбы и сотрудничества между народами». Он вскрыл новые возможности, выявил новые пути сотрудничества между молодежью различных стран, в частности такие направления, как объединение усилий молодых людей в борьбе за свои социально-экономические и политические права: борьба за права женской молодежи; развитие сотрудничества молодежи в деле защиты окружающей среды; развитие молодежного туризма в качестве одной из форм установления мостов дружбы и сотрудничества; расширение молодежного обмена в области культуры и спорта.

Ленинский комсомол, советские молодежные организации видят важнейший итог фестиваля и в том, что он помог донести до широких масс молодежи планеты правду о Советском Союзе, о миролюбивой внешней политике нашей партии и государства, глубже ознакомить с достижениями реального социализма и возможностями советского гражданина.

«Ход истории, общественного прогресса все настоятельнее требует налаживания **конструктивного, созидательного взаимодействия государств и народов в масштабах всей планеты.** Не только требует, но и создает для этого необходимые предпосылки — политические, социальные, материальные»,— говорится в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии. Эта оценка современной международной обстановки в полной мере относится и к положению в международном молодежном движении. Благоприятные предпосылки, сложившиеся в итоге XII Всемирного фестиваля, должны послужить дальнейшему развитию диалога прогрессивных, демократических молодежных и студенческих организаций.

Но, как известно, не всегда желаемое становится возможным. Силы реакции разворачивают настоящую битву за влияние на умы молодых. В результате этой борьбы современное международное молодежное движение представляет собой очень сложную и разнородную структуру. В ней отряды и группы, различные по своей идейно-политической ориентации, классовой принадлежности.

К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин неоднократно отмечали, что в политическом отношении нет «молодежи вообще», а есть подрастающее поколение каждого из классов и социальных групп, существующих в данном обществе, на конкретном этапе его развития.

Сегодня можно выделить в качестве основных такие отряды международного молодежного движения: молодежное коммунистическое движение, состоящее, в свою очередь, из молодежных союзов стран социализма и коммунистических организаций молодежи несоциалистического мира; революционно-демократические организации молодежи освободившихся стран; социал-демократические, лейбористские, либерально-радикальные и центристские молодежные организации; консервативные, клерикальные объединения молодежи; молодежь альтернативных и антивоенных движений. Существуют и другие различные группы молодежных организаций. К тому же и «внутри» основных отрядов молодежи имеются свои оттенки и различия.

Не можем мы забывать и о том, что пять лет, прошедшие после XIX съезда ВЛКСМ — первая половина 80-х годов,— стали временем, когда международное молодежное движение оказалось под прицелом империалистических кругов, что находит выражение во вполне конкретных акциях. При этом примечательно, что прижимистые тогда, когда дело доходит до траты капиталистической копеечки, западные государства стали выделять десятки миллионов долларов на работу с молодежью. Практически во всех развитых капиталистических государствах, да и не только развитых, уже в течение ряда лет функционируют госсоветы или министерства, занимающиеся проблемами молодежи.

В 1985 году в Страсбурге (Франция) прошла первая конференция министров по делам молодежи западноевропейских стран, в ходе которой был разработан комплекс мер по повышению роли государственных органов в осуществлении политики в отношении молодежи, дальнейшей межправительственной координации этой деятельности. Одновременно запланированы шаги по подключению к этому курсу правительств развивающихся государств. За последнее время Совет национальной безопасности США провел два заседания, специально посвященных вопросам молодежного движения. Вслед за этим президент Рейган выдвинул так называемую «Молодежную инициативу», суть которой состояла в активном продвижении идеологических концепций правоконсервативных кругов США в международном молодежном движении при использовании расширения молодежных контактов. Президент США направил даже к нам в Комитет молодежных организаций СССР пространное письмо в целях оправдать свои военные программы.

Столь повышенная активность западных государственных и идеологических институтов не могла не привести к появлению в международном молодежном движении определенных тенденций. Так, в 1981 и 1985 годах правые силы в международном молодежном движении при прямой поддержке правительств ряда западных стран предприняли попытку создания организаций, альтернативных МСС и ВФДМ. Создание правоконсервативной международной молодежной организации было одной из задач так называемой «молодежной конференции» на Ямайке (1985 год). Несмотря на провал этой «конференции», само ее проведение свидетельствует о растущем стремлении империалистических сил вовлечь молодежь в свою политико-идеологическую структуру, использовать в этих целях имеющиеся межправительственные каналы сотрудничества.

Правые партии стремятся использовать соответствующие молодежные организации и для проработки идей, которые впоследствии могли бы быть воплощены на «взрослом» уровне. Показательно в этом отношении создание правоконсервативного Международного союза молодых демократов, появившегося на год раньше (1982 год), нежели взрослый «правый интернационал» — Международный демократический союз, где термин «демократический» в обоих случаях лишь вывеска для непосвященных.

Подобные факты наглядно свидетельствуют не только о всевозрастающем интересе буржуазных партий и правительств к международному молодежному движению, но и о том, что в последние годы в международном молодежном движении сложилась во многом новая ситуация, которая характеризуется усилением противоборства демократических и консервативных сил.

Традиционный интерес, проявляемый к международному молодежному движению со стороны «взрослых» организаций, понятен и объясним. Молодежь сегодня вносит весомый вклад в антивоенное движение, в дело антим-

периалистической солидарности с борьбой народов за национальное и социальное освобождение, ликвидацию всех форм неравенства и дискриминации в отношениях между государствами, народами и людьми.

Несмотря на ухищрения реакции, на молодежном уровне наблюдается устойчивое и последовательное взаимодействие подлинно демократических сил, эффективно действуют пользующиеся большим авторитетом ВФДМ и МСС. Они объединяют в своих рядах подавляющее большинство молодежных организаций стран социализма, коммунистических союзов молодежи капиталистических государств, многие прогрессивные и демократические юношеские объединения стран «третьего мира».

Такое устойчивое и последовательное влияние демократических сил в международном молодежном движении сыграло немалую роль в том, что в самый разгар «холодной войны» в Вене (1959 год) и Хельсинки (1962 год) состоялись два Всемирных фестиваля молодежи и студентов. А в 1980 году вопреки набиравшей силу тенденции к подрыву достижений общеевропейского сотрудничества было создано уникальное политическое образование — Общеевропейская структура сотрудничества молодежи и студентов, которая объединила более 30 международных и региональных молодежных организаций на платформе Заключительного акта совещания в Хельсинки.

Необходимо также отметить, что сегодня молодежь непосредственно «включена» в современные политические системы. Многие политические молодежные организации в той или иной форме входят в состав соответствующих «взрослых» партий, где образуют зачастую довольно влиятельное крыло, обладая при этом организационно-политической автономией. Таково, например, положение Молодых социалистов в СДПГ (ФРГ), составляющих практически треть членов партии. Достаточно авторитетны и активны такие международные организации, как Международный союз молодых социалистов (МСМС), Международная федерация либеральной и радикальной молодежи (МФЛРМ).

Идеологи империализма стремятся, установив контроль над объединениями и организациями молодежи, использовать их как мощный и эффективный рычаг воздействия на формирование политических взглядов, убеждений и умонастроений всего молодого поколения.

Власти предержащие пустили в дело весь арсенал испытанных за многолетнюю историю средств: преследуются левые и прогрессивные силы, нормой стал постоянный контроль, а точнее сказать, слежка за состоянием умов и поведением людей, небывалые масштабы приобрело целенаправленное культивирование индивидуализма, права сильного в борьбе за существование, пропаганда своей модели «демократии», выдаваемой за некий идеальный образец. Возросли грубые нападки на антивоенное и антиядерное движение на Западе, участники которого изображаются «агентами Москвы», «предателями» интересов Запада. Предпринимаются усилия по координации обработки массового сознания, вплоть до откровенной дезинформации, в поддержку внутренней и внешней политики США и даже таких агрессивных акций, как бомбардировка Ливии.

Всеобщее внимание и растущий интерес мировой общественности, и особенно в молодежной среде, проявляемые к процессам перестройки, проходящим в нашей стране, к вопросам ускорения социально-экономического развития, демократизации различных аспектов политической и общественной жизни, а также довольно мощная поддержка молодежью Запада новых мирных инициатив СССР, в том числе и беспрецедентного по продолжительности моратория на подземные испытания ядерного оружия, усиление в мире антиядерного, антиракетного движения, заставляют представителей империалистических кругов искать все новые способы «завоевания» молодежного движения. Буржуазная пропаганда настойчиво ищет новые, изощренные формы и методы воздействия на молодых, в том числе и в странах социализма. Разрабатываются и усовершенствуются приемы, но остается без изменений главное стратегическое направление — антикоммунизм и антисоветизм.

Новые тенденции в битве за подрастающее поколение Земли, естественно, ставят и перед советскими молодежными организациями новые задачи. Наступил этап глубокого переосмысления, а в отдельных случаях и переориентирования в системе международных связей советских молодежных организаций. Вместе с тем время требует от нас конкретных действий. Перед нами стоят актуальные задачи по дальнейшей активизации борьбы молодежи за мир, против гонки вооружений, закреплению политических итогов XII фестиваля и дальнейшему развитию фестивального движения, совершенствованию общеевропейского сотрудничества молодежи и студентов, дальнейшему развитию сотрудничества с ООН, участию в интернациональном воспитании советской молодежи.

Несомненно, что в нынешних условиях особенно необходимым представляется бережное отношение к накопленному опыту сотрудничества, к созданным структурам диалога. В этой связи знаменательными являются итоги прошедшей в конце ноября 1986 года в Будапеште XII Ассамблеи Всемирной федерации демократической молодежи — самой представительной за всю историю этой крупнейшей международной молодежной организации. В Будапештской ассамблее приняли участие свыше 700 делегатов от более 230 членских организаций из 121 страны, 33 международных и 71 национальной организации различной политической ориентации, представители ООН и ЮНЕСКО.

XII Ассамблея ВФДМ убедительно продемонстрировала, что миролюбивая советская внешняя политика и советские мирные инициативы служат мощным мобилизующим фактором в деятельности ВФДМ, что новое политическое мышление, проводником которого стала наша страна, наша партия, овладевает сознанием, последовательно влияет на стиль работы федерации.

На Ассамблее остро и принципиально ставились задачи обновления деятельности федерации с учетом возросших требований дня. В них сформулированы политические приоритеты деятельности Всемирной федерации демократической молодежи — мир и разоружение; антиимпериалистическая солидарность; права молодежи; глобальные проблемы социально-экономического развития; международное сотрудничество.

Конечно, итоги Ассамблеи зримее всего проявятся в последующей деятельности ВФДМ, ее членских организаций. Однако уже сейчас очевидно, что Ассамблея выполнила свою задачу, четко обозначила начало важного этапа в деятельности федерации, учитывающего богатый накопленный опыт, но и несущего в себе обновление.

Ассамблея призвала свои членские организации к более активной деятельности за мир и разоружение. С этой целью на XII Ассамблее ВФДМ провозглашена идея создания антиядерной коалиции молодежи, которая могла бы на неформальной основе объединить политические организации, движения и группы молодежи, разделяющие принципы борьбы за ядерное разоружение и безъядерный мир.

Многие членские организации ВФДМ высказались на Ассамблее в пользу того, чтобы формирование антиядерной коалиции рассматривалось в увязке с развитием фестивального процесса, который объективно мог бы стать широкой и гибкой платформой для вовлечения молодежи в борьбу под лозунгами безъядерного мира. Поэтому предметом особой заботы Ленинского комсомола как организации — хозяйки XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов, остается фестивальное движение, сила которого в мощном новаторском потенциале, в способности воспринимать меняющийся мир в его преемственности. Думается, для всех сегодня очевидно, что дальнейшее развитие фестивального движения может и должно происходить на пути сохранения и развития коллективного, демократического характера его подготовки, заботы о политической широте состава его участников, углубления политического диалога.

В июле 1986 года Союз социалистической трудовой молодежи Кореи выступил с инициативой провести XIII Всемирный фестиваль молодежи и студентов в столице КНДР — Пхеньяне. Эта инициатива завоевывает в международном молодежном движении все больше сторонников, поддерживается и советскими молодежными организациями. Вопрос о месте и сроках проведения каждого фестиваля решается на заседании Международного подготовительного комитета фестиваля. Такое заседание прошло недавно в Москве, где и состоялась передача эстафеты фестивального движения в руки хозяев XIII Всемирного.

Идеи фестивального движения — приверженность делу мира, дружба молодого поколения планеты и его солидарность в борьбе за лучшее будущее человечества — будут все шире и глубже укрепляться в сознании юношей и девушек планеты, в их совместной борьбе и совместной ответственности. В этом видит главную цель своих усилий советская молодежь и ее авангард — Ленинский комсомол, идущий навстречу своему XX съезду.

ВЛКСМ В МИРЕ МОЛОДЫХ

ИНДИЯ. Д. РАДЖА, генеральный секретарь Всеиндийской федерации молодежи: «Нас связывают с Ленинским комсомолом самые теплые, самые прочные отношения. Наше сотрудничество — крепкое звено в общей борьбе человечества за новую, лучшую жизнь».

Наша организация стремится к единству левых и демократических сил молодежи в движении за социальные перемены в Индии. Главная проблема у нас, думаю, безработица. Мы говорим: не избавившись от капитализма, мы не избавимся от безработицы. Это так. Но надо действовать уже сегодня. Поэтому совместно с правительствами штатов и центральным правительством мы участвуем в проектах индустриализации, что дает некоторое количество новых рабочих мест и молодым индийцам. Неграмотность еще один бич молодежи. Пятьдесят четыре процента населения Индии неграмотно. Мы считаем, что вся молодежь должна иметь доступ к образованию, добиваемся увеличения средств на его нужды.

Нашу борьбу за социальный прогресс осложняет напряженное положение в регионе. Индийский океан — важная зона военных интересов империализма. Источник всеобщей опасности — военная ядерная база США на острове Диего-Гарсия. Индия выступает против размещения ядерного оружия на Земле и в космосе. Империализм стремится разобщить наш народ, ослабить его движение к прогрессу, чтобы использовать Индию в своих агрессивных планах. Мы ведем национальную кампанию под лозунгом «Спасти Индию — изменить Индию». То есть мы боремся против внутренней и внешней реакции.

На Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве мы убедились, сколь массово движение антиимпериалистической солидарности. Наша организация — один из инициаторов фестивального движения в Индии. Московский фестиваль был столь грандиозным по своему размаху, организации, плодотворным конкретным результатам, что повторить его успех нелегко. Но мы обязаны закрепить это достижение, вовлечь в фестивальное движение еще больше сторонников за счет огромного притока сил молодежных организаций Азиатского континента. Мы намерены продолжить традицию Москвы. И помощь, опыт Ленинского комсомола здесь для нас просто неоценимы.

Мы видим огромное символическое значение в том, что вскоре после встречи с президентом США в Рейкьявике Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Советского Союза М. С. Горбачев посетил нашу страну. Мы видим в этом признание Советским Союзом усилий Индии в разрядке международной напряженности. Визит Генерального секретаря поднимает наши традиционные отношения дружбы, взаимопонимания, сотрудничества на новую высоту. Эти отношения сегодня имеют глобальное значение, это важный стабилизирующий фактор коллективной безопасности как в нашем регионе, так и во всем мире.

Нас связывают с Ленинским комсомолом самые теплые, самые прочные отношения. Мы взаимно делимся опытом и заботами. Наше сотрудничество — крепкое звено в общей борьбе человечества за новую, лучшую жизнь.

НИКАРАГУА. ЭВЕЛИН ПИНТО, секретарь по международным связям организации Сандинистская молодежь «19 июля»: «Отношения дружбы и сотрудничества с советской молодежью, с комсомолом придают нам новые силы в борьбе, укрепляют наш моральный дух. Мы знаем — мы не одиноки».

Наш народ никогда не позволит, чтобы в Никарагуа вновь воцарилась власть империализма и реакции. Мы защищаем нашу свободу уже много лет, и мы готовы бороться до победы.

У нашей революции уже есть конкретные достижения: крестьяне получили землю, здравоохранение и образование стали бесплатными. Сейчас мы переживаем тяжелые экономические трудности: их причины в том, что Сомоса ограбил нашу родину, а контрреволюция и поддерживающий ее империализм США, необъявленная война, которую он ведет против Никарагуа, разоряют страну окончательно. Только из-за экономической блокады, установленной США, начиная с 1981 года, Никарагуа потеряла 2 миллиарда долларов, эта сумма равна доходу от экспорта за десять лет.

И все же мы строим новую жизнь. При поддержке социалистических и других дружественных стран сегодня в Никарагуа осуществляется серия стратегически важных проектов. Один из важнейших — строительство порта на Атлантическом побережье. Новый порт напрямую свяжет нас с Европой и сэкономит стране так необходимую нам валюту.

Идут работы по программе использования тепловой энергии вулканов, которых множество в Никарагуа. Этот проект поможет решить энергетическую проблему. Заново создается пищевая промышленность, раньше этой отрасли вообще у нас не существовало.

Помощь, которую нам оказывает Советский Союз, имеет для нас жизненно важное значение. Отношения дружбы и сотрудничества с советской молодежью, с комсомолом придают нам новые силы в борьбе, укрепляют наш моральный дух. Мы знаем — мы не одиноки.

Мы высоко ценим огромные усилия, которые прилагает Советский Союз для обуздания гонки вооружений и устранения угрозы ядерной войны. Мои пожелания советской молодежи и дальше настойчиво укреплять дело вашей революции, утверждать мирные инициативы Советского правительства — ведь это способствует успеху и нашей борьбы за свободу и справедливость.

1982-1987

На этих страницах вы видите фотографии, которые уже публиковались в «Ровеснике». Они рассказывали о самом главном в жизни советской молодежи, нашей с вами жизни, читатель,— борьбе за мир, охране священных рубежей Родины, созидательном труде плечом к плечу с друзьями, интернациональной солидарности. Штрихи в панораме жизни комсомола между съездами.

1982-1987

А здесь перед вами жизнь зарубежных сверстников в эти пять лет. На снимках: защитник революции (Никарагуа); отряд Фронта национального освобождения имени Фарабундо Марти в перерыве между сражениями (Сальвадор); апартеид крупным планом (ЮАР); солидарность с борьбой за свободу и независимость народов Южной Африки (ФРГ); молодежь отстаивает свое право на жизнь, на труд, на образование (Италия).

aller ABC-Wa
Völkerhe
Keine
Verlängeru
Wehrdienstz

ВЛКСМ В МИРЕ МОЛОДЫХ

АФГАНИСТАН. МОХАМАД ВАЗИЛ МЕХНАТ, секретарь ЦК Демократической организации молодежи Афганистана (ДОМА): «Во всех наших делах мы используем опыт Ленинского комсомола».

И в малом, и в большом мы чувствуем поддержку Ленинского комсомола: советская молодежь помогает нам в оборудовании школьных мастерских, создании учебников, советские преподаватели участвуют в подготовке наших учителей, в вузах Советского Союза на самых разных факультетах учатся афганские студенты.

Сейчас мы работаем над выполнением пятилетнего плана. Введение в жизнь основных проектов возложено на молодежь: электрификация, строительство школ, создание угольной промышленности, обеспечение рабочей силой текстильных предприятий. Опираясь на опыт комсомольских строек, мы намечаем строительство новых молодежных городов. Перед нами поставлена задача поднять из отсталости пограничную с Ираном провинцию Нимроз. Уже начаты работы по ирригации земель, строительству школ, больниц. Эту провинцию мы назовем Провинция молодежи. Во всех наших делах мы используем опыт Ленинского комсомола.

Важнейшая задача — защита революции. Члены нашей организации непосредственно служат в армии как солдаты и как политработники. Кроме того, мы создали систему молодежных дружин по поддержанию общественного порядка, действуют отряды защитников революции, которые вместе с армией стерегут нашу границу.

Мы знаем, что комсомольцы, солдаты Советской Армии всегда приходили на помощь нашим солдатам, а некоторые из них отдали жизнь, помогая нам. Эти советские воины — великий пример героизма для нашей молодежи. Их подвиг мы никогда не забудем.

Я заверяю друзей в Советском Союзе, что теперь, когда начался процесс нашего становления, мы вскоре сможем преодолеть проблемы, в основном порожденные контрреволюцией и необъявленной войной империализма. Сейчас наша молодежь лучше, чем прежде, понимает, что дает ей революция, и активно участвует в ее защите. Нам нужен мир. Курс Народно-демократической партии Афганистана на достижение общенационального примирения встретил широкую поддержку у большинства афганцев.

Мы поднимаем наш голос за мир и безопасность во всем мире; мы понимаем: война в Афганистане, планы подготовки третьей мировой войны суть звенья одной цепи. Наша борьба против необъявленной войны американского империализма, которую тот ведет ради прибылей военно-промышленного комплекса против нашего народа, против будущего нашей молодежи, является конкретным вкладом Афганистана в общую борьбу народов за мир на планете.

ФРАНЦИЯ. АНГЛЬ ТЬЕРРИ, член Национального бюро Движения коммунистической молодежи Франции (ДКМФ): «Идет борьба за умы в мировом масштабе — борьба реального социализма и реального капитализма. И нам, молодым коммунистам Франции и комсомольцам Советского Союза, всем, кто хочет мира, вести это сражение за международное сотрудничество, новое устройство мира, человеческие ценности».

Мы организуем молодежь на борьбу за право жить, за создание нового мира, который даст нам то, в чем отказывает капиталистическое общество. Например, мы ведем кампанию солидарности с борьбой против апартеида народов Южной Африки. Во Франции есть предприниматели, сотрудничающие с апартеидом. Поэтому, выступая против апартеида, мы боремся и с теми, кто во Франции получает прибыли от сотрудничества с ЮАР, кто урезает права французской молодежи.

Во всей нашей деятельности мы стараемся воздействовать на сознание молодых французов. Этой цели служит и наше сотрудничество с Ленинским комсомолом. Мы организуем трудовые бригады, которые приезжают работать в Советский Союз, чтобы открыть для себя, что такое труд в социалистической стране, без хозяина-капиталиста, на общее благо.

Постоянная кампания антисоветизма — причина неправильного представления о советских людях у определенной части молодежи. Им вдалбливают в голову, что советские люди не такие, как мы, внушают расистские представления. Мир с красными? Невозможно. Война — норма. Времена дружбы прошли. Сейчас всюду действует закон силы. Вот такие буржуазные «ценности» вдалбливают в голову молодежи.

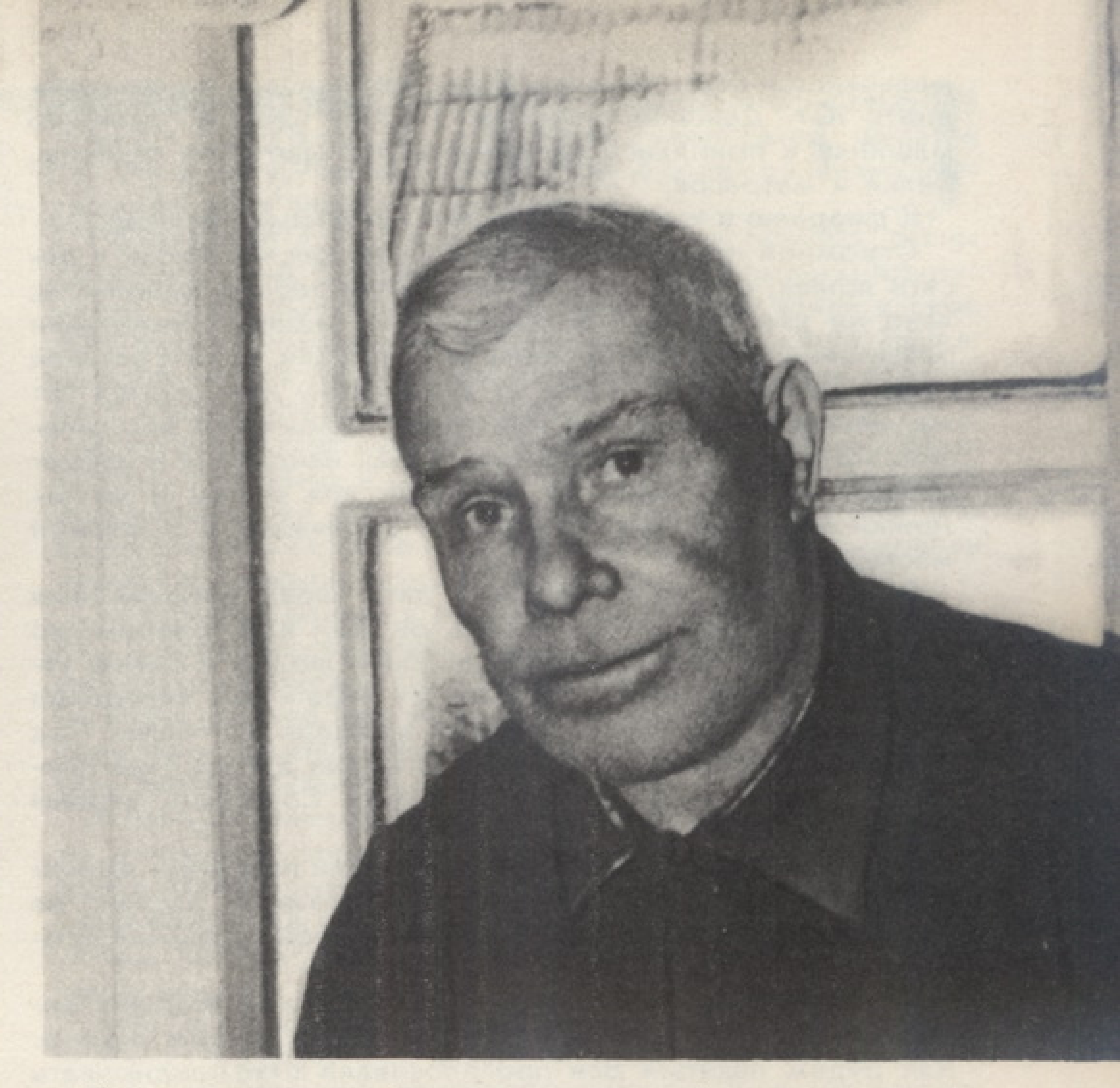
Идет борьба за умы в мировом масштабе — борьба реального социализма и реального капитализма. И нам, молодым коммунистам Франции и комсомольцам Советского Союза, всем, кто хочет мира, вести это сражение за международное сотрудничество, новое устройство мира, человеческие ценности.

Советские мирные предложения, сделанные в Рейкьявике, очень хороши. И главное — для всех, для всего мира. Мы считаем, процесс, начатый в Рейкьявике, должен быть продолжен, для этого нужны действия миролюбивых сил. Такой цели и служит стремление Всемирной федерации демократической молодежи создать на международном уровне Антиядерную коалицию. Думаю, это хорошее средство мобилизации сил мира на качественно новом уровне.

ДЕТИ РЕВОЛЮЦИИ

Анна Луиза СТРОНГ,
американская журналистка

На снимках: один из основателей колонии имени Джона Рида, Семен Михайлович Бухонин; один из первых домов колонии.

Десять мальчишек с Волги

Сначала их было десять. Десять мальчишек тринадцати, четырнадцати, пятнадцати лет. Путов, Мишаев, Смирнов и другие, чьи фамилии мне трудно выговорить. Худые и голодные, слишком щуплые для своих лет, они два или три года не пробовали сахара, вся еда — черный хлеб и изредка картофельная похлебка. В голодный год, когда умерли их родители, они, подобно сотням тысяч других мальчишек, живших на берегах великой реки Волги, стали беспризорниками.

В Поволжье из-за неурожаев каждый третий год был голодным. 1921-й самый страшный. А беспризорников собирали в детские дома, и со всей страны, из других стран, из США тоже, люди посылали детям еду. Поэтому, когда голодный год миновал, многие дети остались в живых, тогда как их отцы и матери умерли от голода.

Путов, Мишаев, Смирнов и еще семеро пережили голод в детском доме. Но теперь им было по тринадцать, четырнадцать, пятнадцать лет, и им сказали: «Вокруг много беспризорников, которые младше вас. У нас не хватает еды на всех. Вы же можете научиться зарабатывать на жизнь сами. Мы дадим вам жилье, землю, немного инструментов и продовольствие на первое время».

Еды все равно было ужасно мало. Предстояла долгая зима в четырех стенах, когда на улицу не выйти: ни у кого не было обуви. Из добровольцев набрали первый отряд — десять мальчишек во главе с крестьянином Еремеевым.

Отведенный им дом под Черемшаном оказался старым, без стекол, без мебели — только стены. Здесь, в пустых комнатах, они разбили свой лагерь и начали бой за жизнь.

Из книги Анны Луизы Стронг «Дети революции», Сиэтл.
Анна Луиза Стронг (1885—1970) — американская писательница, поэт, публицист, у нас в стране выходила ее книга «Китай в огне».

Первое время они спали на полу, на пяти мешках, набитых соломой, под пятью одеялами, привезенными с собой из детдома, прижавшись друг к другу. На дворе был октябрь, ночи становились все холоднее.

Рано утром они принимались за работу. Нужно было привести в порядок дом. Учил ребят столярному делу плотник Федотов. Инструменты — одна пила, один молоток, один топор и два рубанка — передавались из рук в руки. Дело двигалось медленно: до этого никому из ребят плотничать не приходилось. Но мало-помалу из-под рук мальчишек стали выходить полки, столы, скамейки.

Через три недели колонисты послали в город делегацию. «Мы работаем,— сказали делегаты,— но нам нечего есть. Рядом сломанная мельница. Отдайте ее нам, мы починим. Будем молоть крестьянам зерно и тем прокормимся». Городской Совет отдал ребятам мельницу и направил в колонию еще четверых детдомовцев — двух мальчишек, которые хотели быть мельниками, и двух девочек для работы по дому. Их родители тоже умерли в голодный год.

Из Москвы в новую колонию переслали посылку из Америки — пятьдесят пар брюк, пятьдесят пальто и пятьдесят пар ботинок. Но лишь три пары ботинок оказались впору, все остальные были совсем маленького размера. Самые большие ботинки достались Путову, он проносил их два года. Бóльшую часть времени он ходил босой, а обувь надевал только в холод и если шел в город.

Сорок семь пар ботинок маленького размера колонисты продали и на вырученные деньги в Хвалынске купили кожу, чтобы наладить собственное обувное производство. Из города пришел сапожник обучить ребят ремеслу. Инструментов было так мало, что одновременно работать могли только двое или трое. Но обувной мастерской удалось обеспечить башмаками всех колонистов, четырнадцать человек.

Старая одежда, присланная из Америки, была самых неожиданных размеров и назначений. Большинство вещей оказалось или слишком малó, или слишком великó и на детях выглядело чрезвычайно забавно. Особенно сутаны, пожертвованные каким-то добрым пастором. На худых плечах мальчишек, работавших в поле, столярной и обувной мастерских, церковные одеяния являли фантастическое зрелище.

В колонию пришли еще пятнадцать ребят — восемь

мальчиков и семь девочек. Всем исполнилось по четырнадцать лет. Девочки принесли с собой старую швейную машинку и принялись налаживать производство одежды, белья и матрасов.

К февралю в колонии было пятьдесят семь человек.

Огромной проблемой стала посуда: десяти мисок и десяти ложек, с которыми пришли сюда первые колонисты, явно не хватало. Тут, в Черемшане, ребята обнаружили разрушенную кузню, привели ее в порядок, и двое решили стать кузнецами. Обучить их кузнечному делу взялся тот же мастеровой человек, что помог колонистам восстановить мельницу. Металлические листы, найденные в заброшенных домах, пошли на заготовки для котлов и мисок. Ложки и черпаки вытачивались из деревяшек в столярной мастерской.

Еще осенью ребята решили дать своей колонии имя американца Джона Рида. Пусть он был иностранцем, но он приехал в Россию помочь русским людям в самые тяжелые дни революции. Он умер от тифа и был захоронен в Кремлевской стене на Красной площади в Москве. Под рождество из Америки в колонию имени Джона Рида пришел подарок — собранные друзьями Советской страны сто долларов!

Пославшие их американцы предлагали потратить деньги на празднование рождества. Ребята созвали митинг, на котором долго обсуждали, как быть с этой огромной суммой?

«Нам нужен не праздник,— сказал один из старших ребят,— нам нужны лошади. Скоро весна, время пахоты. Как будем пахать?» Все проголосовали откомандировать Еремеева и двух мальчишек в далекий Уральск, где, по слухам, лошади стоили дешевле. Когда в товарных вагонах, когда пешком они добрались до Уральска и вернулись назад с пятью лошадьми.

Но лошади из Уральска оказались слабыми. Одна сдохла еще до весны, другую колонисты обменяли на корову. Когда началась пахота, в колонии оставались лишь три лошади из купленных в Уральске.

Колонисты могли гордиться своей первой зимой. В столярной мастерской они сделали пятьдесят спальных полок, пятнадцать столов, двадцать пять стульев, двенадцать скамей, пятнадцать корыт для откорма поросят и стирки белья, две телеги; мельницу отремонтировали. Кузнецы обеспечили посудой, привели в порядок плуги, изготовили десять лопат и двадцать пять мотыг.

Девочки тоже не сидели сложа руки. Они сшили и перешили двести пар нижнего белья — огромное количество, но ткань была старой, и «новая» рубашка, например, через неделю снова попадала к ним в починку. Девочки сшили пятьдесят два матраса из мешков. Из старой одежды переделали сорок семь пальто, тридцать платьев, тридцать рубашек и двадцать пар брюк. Все это было сделано на единственной швейной машинке, за которой сидели по очереди. Большинство швов делали вручную. Но и только что сшитая одежда была уже старой и быстро снашивалась.

Мельники заработали на помоле столько муки, что ее хватило на пропитание всей колонии в течение трех месяцев.

Первая пахота

Когда сошел снег и подсохла грязь, колонисты разделились на бригады и, волоча с собой плуги, сработанные в своей кузне, отправились на поля, на десятки километров разбросанные друг от друга. Там они остались и работали, пока не закончилась пахота, жили в шалашах из соломы, укрывались в них от ветра и дождя.

Каждые несколько дней кто-нибудь отправлялся на лошади в Черемшан и привозил огромные хлеба́ и картошку. По утрам они пили «сладкий чай» с черным хлебом. Настоящий чай стоил слишком дорого, поэтому колонисты предпочитали чай из обжаренных на костре и растертых пшеничных зерен. Они были вполне довольны — куда лучше, чем в голодный год.

На крестьянских полях вокруг было еще безлюдно: шла пасхальная неделя, и крестьяне праздновали, как того требовал церковный обычай. А в это время на полях колонии Джона Рида работали в две смены. Едва семена, полученные от правительства бесплатно, легли в землю, прошел теплый проливной дождь. Почти единственный хороший дождь за всю весну.

После этого дождя солнце припекало изо всей силы, земля черствела и сохла. Семена крестьян легли в сухую землю. Поэтому новый голодный год пришел в Поволжье, хотя и не такой страшный, как 1921-й, но все-таки тяжелый, голодный.

На полях колонии Джона Рида созрел урожай тоже небогатый, ибо сухая погода сделала свое, но все же в три раза больший, чем у крестьян. Крестьяне даже поговаривали: «Бог любит работу больше, чем пасху».

Увидев, что лето предстоит жаркое, колонисты решили использовать воду ручьев, стекавших к Волге мимо их огородов. Лопатами и мотыгами они прокопали канавы от ручьев к грядкам, и к осени созрел богатый урожай картофеля, огурцов и капусты.

В мае из детских домов Саратова в колонию приехали еще двадцать пять мальчишек и девчонок, в августе еще тридцать. Они приезжали изголодавшиеся, босые, без теплой одежды. Детские дома Саратова обещали помочь продовольствием, но и сами были в трудном положении. Поэтому вновь прибывшие тоже встали на довольствие колонии, и летом, в дни напряженнейшего труда, колонисты жили впроголодь, кожа трескалась он недостатка жиров. Не было мыла, чтобы умыться и постирать одежду.

К осени пришли совсем тяжелые времена, но в те годы перед сбором урожая в Поволжье повсюду бедствовали крестьяне, многие запаривали и ели прошлогоднюю солому. По сравнению с ними колонистам приходилось не так туго. Ребята строго ограничили рацион хлеба и продолжали работать. Только труд мог спасти их от голода в следующем году.

Теперь, когда их стало больше, колонисты строили планы расширения хозяйства. Они решили вступить во владение Алексеевкой, большим пустующим поместьем на берегу Волги, в нескольких десятках километров от Черемшана. С этой просьбой в Саратов отправилась делегация ребят.

В октябре отмечали первую годовщину основания колонии. Ребята подготовили концерт, пригласили председателя Черемшанского горсовета, партийных руководителей и представителей органов народного образования. Приехали делегации из детских домов, даже из далекого Вольска. Назипаев, мальчишка-мельник, был выбран председателем торжества. Один за другим ребята выходили на трибуну доложить о проделанной за год работе.

Потом началось веселье. В колонии уже к тому времени откармливали свиней. Одну из них закололи и приготовили в честь гостей ужин. Было много картошки с собственного огорода, меда с собственной пасеки, но не было ножей. Девочки на кухне чистили для супа картошку — на всех был единственный нож, и работали по очереди. Всю ночь, все утро, весь полдень. Поэтому, когда настало время обеда, старшие девочки так устали, что не могли внимательно следить за младшими. И тут случилось позорное происшествие.

В колонии сложилась традиция: всем все поровну, комитет, ведавший продовольствием, отвечал за равную раздачу еды всем колонистам. Когда, например, за два дня до праздника я купила куль печенья и принесла его девочкам на кухню, они сказали: «Пусть полежит до субботы, пока все вернутся с полей». Они не могли допустить и мысли, что кто-то не получит свою долю.

И вот в день праздника, пока большинство хлопотало вокруг гостей, несколько младших колонистов обнаружили мед. Они намазали его толстым слоем на куски хлеба и тайком, спрятавшись, наслаждались лакомством. Тут-то их с перемазанными щеками и застала одна из старших девочек. Она позвала председателя. Меда немного поубавилось, но главное — всем колонистам было ужасно стыдно перед гостями.

Однако, когда в завершение праздника Еремеев встал и огласил новость — в распоряжение колонии отдается Алексеевка с «большим домом» у реки, скотным двором, конюшней и кирпичными бараками, а также столько земли, сколько колонистам будет под силу вспахать,— неприят-

ное происшествие с воришками быстро рассеялось. Колонисты принялись обсуждать планы переезда на новое место.

В Алексеевке

В Алексеевку направили первый отряд из двенадцати человек. Они спали в сарае, зарывшись в солому, «большой дом» на берегу реки стоял пустой и холодный, с выбитыми стеклами и разрушенными печами. Его ремонтом колонисты собирались заняться позже, и пока центр попрежнему оставался в Черемшане. Сейчас самым главным было вспахать как можно больше до наступления холодов, перед тем как земля окаменеет.

От того, сколько они успеют вспахать, зависел выделяемый колонии надел. Эти двенадцать мальчишек понимали: от них зависит будущее всех оставшихся в Черемшане. Они работали с утра до вечера, а дни становились все короче, холоднее — и колонисты, противясь ритму природы, все реже останавливали лошадей, все более короткими делали перерывы на отдых.

Когда я отправилась из Саратова в Черемшан, моим попутчиком оказался восемнадцатилетний юноша из Москвы, который ехал навестить брата. Он вез полный чемодан пособий: книги по земледелию, пчеловодству, скотоводству, коневодству — и собирался подарить их колонии. Эти книги он выпрашивал в Москве у кого только мог.

Пароход пристал в Алексеевке около часа ночи. Мы не знали, на какой пристани нужно сойти, чтобы быстрее добраться до колонии. Но кто-то на берегу сказал, что в поле рядом уже работают джонридовцы. Мы решили сойти на берег и разыскать их.

Мы долго блуждали по полям, спотыкаясь в темноте, пока нам не надоело. Тогда мы расстелили на земле одеяла и приготовились ждать рассвета. Тут мы услышали топот копыт, потом донеслись детские голоса. Мы крикнули в темноту: «Вы не знаете, где колония Джона Рида?» — «Мы и есть Джон Рид». Двое мальчишек, которые пасли лошадей, указали нам дорогу к конюшне, где мы нашли остальных десятерых спавшими на соломе. Нам тоже принесли по большой соломенной охапке, и мы улеглись в дверях, где бледная луна высвечивала наши одеяла.

Едва я закрыла глаза, меня разбудил шум собиравшихся на утреннюю пахоту. Повар уже приготовил завтрак — пшеничный чай и черный хлеб. Работа продолжалась до позднего вечера, колонисты пахали и при свете луны.

Из Саратова пригнали четырех купленных там лошадей. Мальчишки отскакали без седла сотни километров вдоль берега Волги. Пахота продолжалась с удвоенной энергией — до заморозков оставалось лишь несколько недель.

Начались холодные дожди осени; босым, в жалкой одежде мальчишкам не стало от них житья. Кто попытался работать под дождем, слегли с простудой, но, даже больные, время от времени они продолжали пахать. Те, кто был в овчинных тулупах, работали дольше всех. Потом они отдавали тулупы следующей смене, а сами забирались в солому в конюшне и старались согреться, ожидая своей очереди. Так до зимы им удалось вспахать более двухсот гектаров.

Бригада пахарей вернулась в Черемшан, в Алексеевку на зимовку отправились другие чинить дом и подсобные помещения. Дорога, размытая дождями, превратилась в непролазную трясину, и лошади, тащившие инструменты и вещи, едва вытаскивали ноги из грязи. Колонисты повесили ботинки и валенки на плечи и шли по колено в грязи. Весь день до поздней ночи.

В Алексеевке, отрезанные грязью от остального мира, они могли рассчитывать только на себя. Они устроились в конюшне, как и предыдущая группа, но шли проливные дожди, крыша протекала, и им пришлось перебраться в кирпичный барак, где летом при помещике квартировали сто солдат, занятых на полевых работах. Пол был каменный, разбитый во многих местах, но в глубине барака оказалось две комнаты с дощатым полом и печкой-«буржуйкой». Одна из них была выкрашена в голубой цвет — ее так и называли Голубой комнатой — в ней они и поселились.

Наконец дорогу подморозило, Голубую комнату застеклили, в ней остались девочки, мальчишки переселились в жилой флигель конюшни. В самой теплой из всех Голубой комнате было холодно: в подполе гудел ветер, наметая там горы снега. Как ни затыкали дыры соломой, ветер растаскивал ее и задувал снег в щели.

Насыпанный в углу комнаты картофель померз, стены покрывал иней. Девочки спали посреди комнаты вокруг печки. С ними жил поросенок, двух других взяли к себе мальчишки. По ночам поросенок не спал от холода, ходил, хрюкал, мешая заснуть. Однажды он разворошил корзинку с хлебом и сожрал весь запас.

К январю все четыре комнаты во флигеле конюшни были отремонтированы, и девочки перебрались в одну из них. В Алексеевке уже работало тридцать три колониста — двадцать шесть мальчишек и семь девочек. С ними зимовали поросята, теленок, лошади, коровы.

За дровами ездили в лес за десять километров от усадьбы. С дровами случались перебои: у полуголодных лошадей часто не хватало сил тащить груз до места, особенно в морозы. Бывало, по нескольку дней свирепствовала метель, дом остывал, люди и скотина согревались лишь теплом своего дыхания.

В бане на замерзшей реке стирали одежду. Не успевали ее донести до веревки, как она застывала. Случалось, девочки отказывались стирать мальчишкам, обвиняя их в неряшливости. Те в отместку не кололи для них дрова. Но ссоры быстро улаживались: пережить зиму они могли, лишь помогая друг другу.

Только у трех девочек была обувь — у Стеши, у Гаршиной и у Гудковой. Они давали ее остальным «на выход». К весне эти башмаки износились вконец. Еще не растаял снег, а девочки ходили босиком.

Но жизнь шла своим чередом. Из деревни к колонистам пришла учительница. Войдя к ним во флигель, она решила не снимать тулуп, раздала карандаши и тетради. Девочки писали, с головой накрывшись одеялами, оставив лишь щелки для света. Так они учились в ту зиму.

Наступил апрель. У колонистов было уже двадцать лошадей, и когда в барском саду распустились розы, мальчишки распахали более четырехсот гектаров земли. Из деревни стали обращаться к ним за помощью. Как ни бедна была колония, она оказалась богаче крестьян. Комитет бедноты попросил вспахать дополнительно пятьдесят гектаров в помощь сиротам и вдовам Алексеевки. В благодарность был сделан заказ на помол зерна, а так как платили с каждых сорока пудов по три пуда, то хлеба колонистам хватило до самого урожая.

Тракторист Марин

Петр Марин работает на тракторе. За восемь часов он распахивает восемь гектаров твердой, бугристой, годами не паханной земли.

Потом Марин идет на мельницу взглянуть, не нужна ли его помощь, или к молотилке — проверить натяжение ремней привода. Если все работает нормально, он чинит мой (Анна Луиза Стронг жила в колонии.— *Ред.*) будильник или меняет перегоревшие лампочки.

Его отец был мастеровым человеком. Когда Петру исполнилось два года, семья поселилась в одной из деревень на берегу Волги. Отец помогал на мельнице, чинил плуги и телеги. Когда произошла революция, вступил в Красную Армию и ушел воевать с белыми.

С гражданской войны отец не вернулся. Петр не знает, где и как он погиб, помнит только, что сразу знал — отец погиб за революцию. Это главное, что он помнит из детства.

Еще запомнилась головная боль, казалось, заполнившая все его детство. Долгие месяцы он болел тифом, который вместе с голодом и холерой косил людей. Когда он выздоровел, то помнил только одно — его отец погиб за революцию. Все остальное расплылось в тифозном тумане.

Когда красный отряд проходил через их деревню, ему только исполнилось двенадцать. Петр и другие пацаны сбежались посмотреть на красных. Петр подошел к бойцам и сказал: «Мой отец погиб за революцию. Я хочу с вами». Не успев попрощаться с матерью, он ушел на фронт, о чем она узнала от шестилетнего братишки Петра. Мать попла-

кала, но недолго: у нее хватало забот с оставшимися четырьмя детьми.

В Красной Армии Марин был разведчиком. В своей рваной одежке он ходил по деревням в тылу врага, играл с местными мальчишками, смешивался с толпой на базаре, слушал, высматривал, где установлены засады белых. В то время по России бродяжничало множество детей, и Марин ничем не выделялся среди них. Когда темнело, он возвращался в отряд и докладывал обстановку.

Так прошло одиннадцать месяцев, бои в тех местах закончились, и Марин вернулся в родную деревню. Теперь ему было тринадцать. Старший мужчина в семье из шести человек, он пахал, сеял, таскал мешки, и однажды детские руки не выдержали работы — перелом кисти. До сих пор в месте перелома иной раз у него потрескивает кость.

Но каторжная работа не уберегла Марина и его семью от голодного года. Летом пришла холера. Мать слегла и через две недели умерла. Марин с младшими оказался в детском доме. Здесь он научился читать и писать.

Миновал голодный год, Марин снова вернулся в деревню. Но у него не было лошади, и он не мог прокормиться со своей земли. Ему пришлось наняться батраком к богатому крестьянину.

Однажды на базаре в Хвалынске, куда он приехал по поручению хозяина, Марин познакомился с Путовым и Назипаевым. Так он оказался в нашей колонии. Зимой работал на мельнице, как раньше его отец, а летом, когда мы получили трактор, Марина выбрали в трактористы.

Двенадцать врачей у кровати Шубиной

Шубина уже долгие месяцы лежала в госпитале в Хвалынске, когда вокруг нее собрался консилиум из двенадцати врачей, приехавших из Саратова, и поставил диагноз — двустороннее воспаление легких, острый бронхит. В отличие от врачей я точно знаю причину болезни, нет, не простуда — бескорыстие.

Когда двенадцать врачей собрались возле ее кровати, Шубиной было неловко: она не привыкла к вниманию. Она привыкла работать не выделяясь. Когда врачи разглядывали, прощупывали и прослушивали ее, Шубиной хотелось извиниться. А причина болезни, сказала она мне, только в том, что ей было очень холодно.

Когда первая группа колонистов вступила во владение Алексеевкой, сражаясь с наступавшей зимой, и октябрьские ветры несли холод ноября, повлекший декабрьскую вьюгу, Шубина все еще была одной из самых энергичных и живых работниц. В тот год ей исполнилось семнадцать, и она впервые начала серьезно учиться грамоте. Раньше такой возможности у нее не было.

Комсомольцы колонии решили поставить спектакль и на вырученные за билеты деньги купить карандашей и бумаги. Пьеса называлась «Весна без солнца». Действие происходило до революции в среде студентов, а Шубина играла дочь священника, помогавшую революционерам.

Пьеса имела огромный успех. Ее показывали перед колонистами в Черемшане и перед жителями деревни Алексеевки. Последнее имело решающее значение для мужской половины колонистов, осваивавших усадьбу. Увидев спектакль, деревенские девчата сменили высокомерие к «оборванцам из колонии» на благосклонность. Став «артистами», те прохаживались по базару и отвечали на поклоны крестьян, недавно аплодировавших им на спектакле.

Актеров пригласили выступить в одной из отдаленных деревень, и они отправились туда в морозный день в конце января. По Волге мела вьюга, мороз крепчал. Шубина была в полотняном пальтеце, заимствованном у одной из девочек, без чулок, в разбитых сандалиях.

Через четыре часа пути сани остановились у деревенской школы, где уже ждали артистов. У всех приехавших пальцы, носы, уши были обморожены. Кожа Шубиной буквально почернела от холода. Последнюю часть пути ее пришлось постоянно встряхивать, чтобы она не заснула. Иначе она замерзла бы до смерти.

Шубину поставили на снег и помогли ей размять застывшие конечности, пока кровь с болью не начала возвращаться в руки и ноги. Потом она вышла на сцену и играла роль девушки, помогавшей революции. Крестьяне громко аплодировали, но денег дали мало. Когда подсчитали собранную сумму, набралось меньше семидесяти копеек.

На следующий день труппа вернулась в Алексеевку. В тот же день Шубиной пришлось ехать за восемьдесят километров в Вольск. Когда она вернулась, выполнив поручение, в колонию, плотники сообщили, что ремонт «большого дома» закончен — стекла вставлены, стены покрашены. Вымести мусор, отмыть от краски и извести полы было работой девочек.

Весь день Шубина вместе со всеми мыла полы. Сандалии были отставлены в сторону, они не защищали от воды. Она шлепала босыми ногами по мокрому ледяному полу — голова горела, в глазах все расплывалось, она еле держалась на ногах. Тогда девочки сказали: «Иди домой, Шубина».

Шубина пошла через заснеженный двор и тут вспомнила, что забыла подоить коров. Она взяла ведро, подоила коров, накормила поросят, вернулась домой, легла в постель — и потеряла сознание.

Шубину выписали в конце лета. В полях Алексеевки кипела уборочная, но врачи запретили ей физический труд. Шубиной поручили обязанности доярки, что считалось легкой работой. Она вставала в четыре утра, доила трех коров, кормила телят и поросят, процеживала молоко и относила его на кухню.

Но вскоре сразу две девочки-кухарки заболели малярией. На кухне осталась только одна кухарка. Шубина по собственному почину прибавила себе и обязанности по кухне.

Однажды вечером, убрав на кухне после ужина, подоив коров, она рассказала мне о себе. Ее мать умерла, когда Шубиной было два года. Она жила у чужих людей, но добрые люди умерли, когда ей исполнилось шесть лет. С тех пор она жила в услужении у разных хозяев.

«Когда произошла революция, я захотела учиться. Как все служанки, я не умела читать и писать. До революции никто из нас и не думал учиться. Царя не стало, и богатый крестьянин, у которого я работала, сказал, что это не к добру. Но большевики говорили, что, наоборот, это хорошо и что скоро будет покончено со всеми угнетателями. Тогда я подумала — я тоже угнетенная. Я решила, что вступлю в комсомол, научусь читать и писать и стану свободной.

Еще в Вольске я хотела вступить в комсомол. Я дружила с комсомолкой, которая училась в настоящей школе. Она дала мне учебник и стала учить меня читать. Но хозяин запретил якшаться с комсомолом. А я по вечерам, притворившись, будто пошла спать, вылезала в окно и бежала в комсомол. Но предал хозяйский мальчишка, и меня прогнали.

Чтобы прокормиться, мне пришлось работать сразу во многих местах, и я не могла ходить на собрания, но выполняла разные комсомольские поручения. Например, я собирала пожертвования на бездомных детей.

Но я не умела читать и писать, поэтому не могла принести большой пользы комсомолу. Все-таки старалась делать все, что могла. В комсомоле мне опять дали учебники, хотели научить меня грамоте, но я все работала и так уставала, что не могла учиться.

Потом я пришла сюда. Меня приняли в комсомол. И если у нас будет порядок, и школа, и швейная мастерская, я овладею профессией и тогда буду что-то значить.

Если каждый будет работать на совесть, мы сможем построить здесь хорошую жизнь. Но некоторые не хотят работать и не собираются.

Да, работать трудно, если нет обуви, стирать трудно без мыла. Даже когда есть еда, девочки иногда так приготовят, что все испортят.

Да, на кухне трудно. Сами знаете. Но эту работу нужно делать. Если мы собираемся жить дальше, мы должны делать еще больше, если хотим чему-нибудь научиться, если собираемся чего-то добиться в этом мире — лучшего, чем в прошлой жизни. Мы должны сами все. Должны стараться».

Перевел с английского В. ВЛАДИМИРОВ
Фото И. НАРИЖНОГО

ВЛКСМ В МИРЕ МОЛОДЫХ

ЮЖНАЯ АФРИКА. БЕН МОКОЕНА, член подкомитета информации и связи с общественностью Африканского национального конгресса (АНК): «Я хотел бы, чтобы советская молодежь знала, как высоко мы ценим ее поддержку, все, что она сделала для нас».

Народ, организованные массы — главная сила нашей борьбы с апартеидом. Сейчас в этой борьбе прямо или косвенно участвует каждый. Огромную поддержку нам оказывает международная кампания солидарности. Она ведется по трем направлениям: культурный бойкот режима; экономические санкции; политико-дипломатические акции. Перед каждым зарубежным артистом, спортсменом, получившим приглашение посетить ЮАР, встает выбор: на чьей он стороне? Это не просто вопрос гастролей или соревнований — культурный обмен дает режиму политический капитал. В свою очередь, политический капитал расширяет экономические возможности апартеида.

Экономика ЮАР зависит от иностранных вкладов. Без помощи иностранных монополий режим не смог бы производить оружие, танки, самолеты для убийства народа. Поэтому экономические санкции подрывают возможность режима вооружаться против народа.

Мы утверждаем: режим апартеида незаконен. Антинародное правительство нельзя считать законным. Дипломатическое непризнание режима означает его международную изоляцию, лишает помощи извне.

Международные связи АНК ширятся и крепнут. Укрепляется и сотрудничество между молодежной секцией АНК и Ленинским комсомолом. ВЛКСМ поддерживает нашу борьбу на всех международных форумах, ведет кампанию солидарности в прессе. Мы всегда чувствуем моральную поддержку советской молодежи. Советские друзья оказывают нам так нужную сейчас материальную помощь, предоставляют стипендии для учебы в вузах и техникумах, принимают наших детей в летних пионерских лагерях, берут на себя заботу о молодых членах АНК, нуждающихся в серьезном медицинском лечении. Этот перечень можно продолжать долго. Я хотел бы, чтобы советская молодежь знала, как высоко мы ценим ее поддержку, все, что она сделала для нас.

Мы знаем, когда социалистические страны говорят о своей поддержке национально-освободительных движений, они исходят из искреннего сочувствия, исторического понимания судеб народов. С другой стороны, мы не видим никакого противоречия между борьбой социалистических стран за мир во всем мире и национально-освободительным движением. Эти два процесса взаимосвязаны. Поэтому мы поддерживаем движение за мир, за продолжение процесса, начатого в Рейкьявике.

Жизнь, долгие годы сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами научили нас пониманию: только социалистическое общество во всех своих помыслах и делах действует на благо народов, выступает как надежный союзник, защищающий будущее человечества, его надежды и планы.

США. ДЖО СИМС, секретарь Коммунистического союза молодежи (КСМ): «Спасти человечество, спасти планету — вот основа нашей нерушимой дружбы с Ленинским комсомолом».

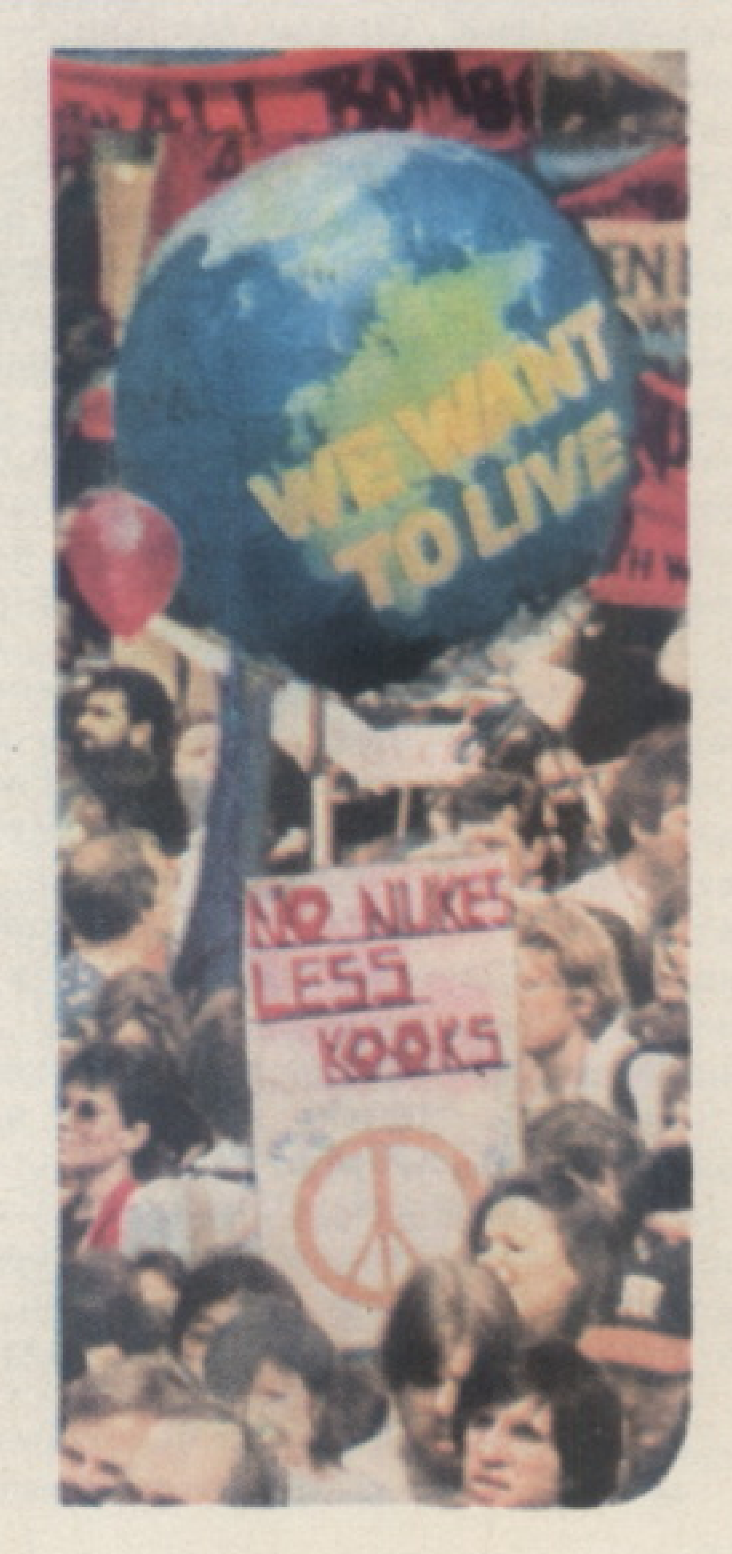
Коммунистический союз молодежи США ведет борьбу по двум главным направлениям: первое — отстоять мир, что в США означает противодействие милитаристской политике администрации Рейгана; второе — отстоять и добиться для молодых американцев гарантий на самые элементарные права — работа, жилье, образование. Эти две первоочередные задачи взаимосвязаны. Мы стараемся использовать самые разнообразные формы борьбы. Например, мы постоянно направляем делегации молодежи в конгресс с требованием о прекращении ядерных взрывов.

Другая наша кампания — отправка открыток в конгресс под девизом «Нет места оружию в космосе!». Мы считаем, программа «звездных войн» грозит кошмаром всему человечеству и разоряет страну. Даже на подготовительном этапе «звездные войны» пожирают баснословные средства, не говоря о тех суммах, которые поглощает беззастенчивая коррупция. И хотя некоторые американцы все еще верят утверждениям администрации об «оборонительном» характере программы, новое мышление, предложенное Советским Союзом, уже пустило хорошие ростки на американской почве. Восемьдесят процентов населения, высказавшегося против «стратегической оборонной инициативы», тому доказательство.

Мы выпустили плакат. Идея заимствована из плаката, придуманного советскими школьниками: три фигурки — отец, мать и ребенок плюс ядерная бомба, потом знак равенства и ноль. Эта несложная арифметика ядерного века требует от каждого из нас нового мышления. Это для США означает отказаться от ядерных испытаний, от программы СОИ, заключить договор о ядерном разоружении с Советским Союзом.

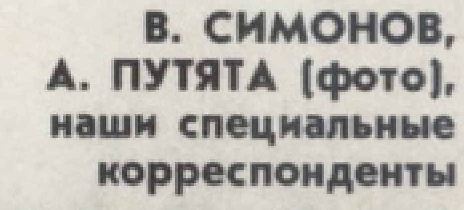
Транснациональные корпорации, администрация Рейгана продолжают мыслить по-старому, ослепленные прибылями, которые приносит им гонка вооружений, ослепленные иллюзией достичь военного превосходства. Мы должны помочь каждому здравомыслящему американцу научиться думать по-новому. Поэтому мы выступаем за конкретное продолжение процесса Рейкьявика, за практический отказ от СОИ, от ядерных испытаний.

И наше сотрудничество с Ленинским комсомолом прежде всего исходит из необходимости заключения прочного соглашения о мире между двумя нашими странами. Спасти человечество, спасти планету — вот основа нашей нерушимой дружбы с Ленинским комсомолом.

В МАГНИТОГОРСК ЗА САМЫМ ВАЖНЫМ

В. СИМОНОВ,
А. ПУТЯТА (фото),
наши специальные корреспонденты

...А Франка забыли в автобусе. На самом дальнем сиденье, свернувшись, словно набегавшийся за день котенок, Франк спал. Автобус заехал в автопарк, вырулил на стоянку, и шоферу только и оставалось что захлопнуть дверь — и домой, но на всякий случай решил посмотреть, не оставил ли кто чего на сиденьях.

— Гляжу, а там француз! — рассказывал он потом. Шофер не удивился: ясное дело, малый наворочал за день кирпичей. Сонный мальчишка, ничего не зная по-русски, лишь кивал, подтверждая незнакомые слова, а едва водитель сел за руль, снова закрыл глаза. У рабочего общежития шофер разбудил Франка.

На окраине Магнитогорска в рабочем общежитии живут десять французов из организации Движение коммунистической молодежи Франции (ДКМФ), они работают на металлургическом комбинате имени В. И. Ленина. Такая у ДКМФ традиция — участвовать в ударных комсомольских стройках в Советском Союзе. В свое время молодые французские коммунисты работали на строительстве БАМа, горно-обогатительного комбината в Железногорске, газопровода Уренгой — Помары — Ужгород. Теперь — Магнитка, возведение кислородно-конвертерного цеха (будет самым большим в Европе). Французы ведут кладку стен будущей цеховой столовой.

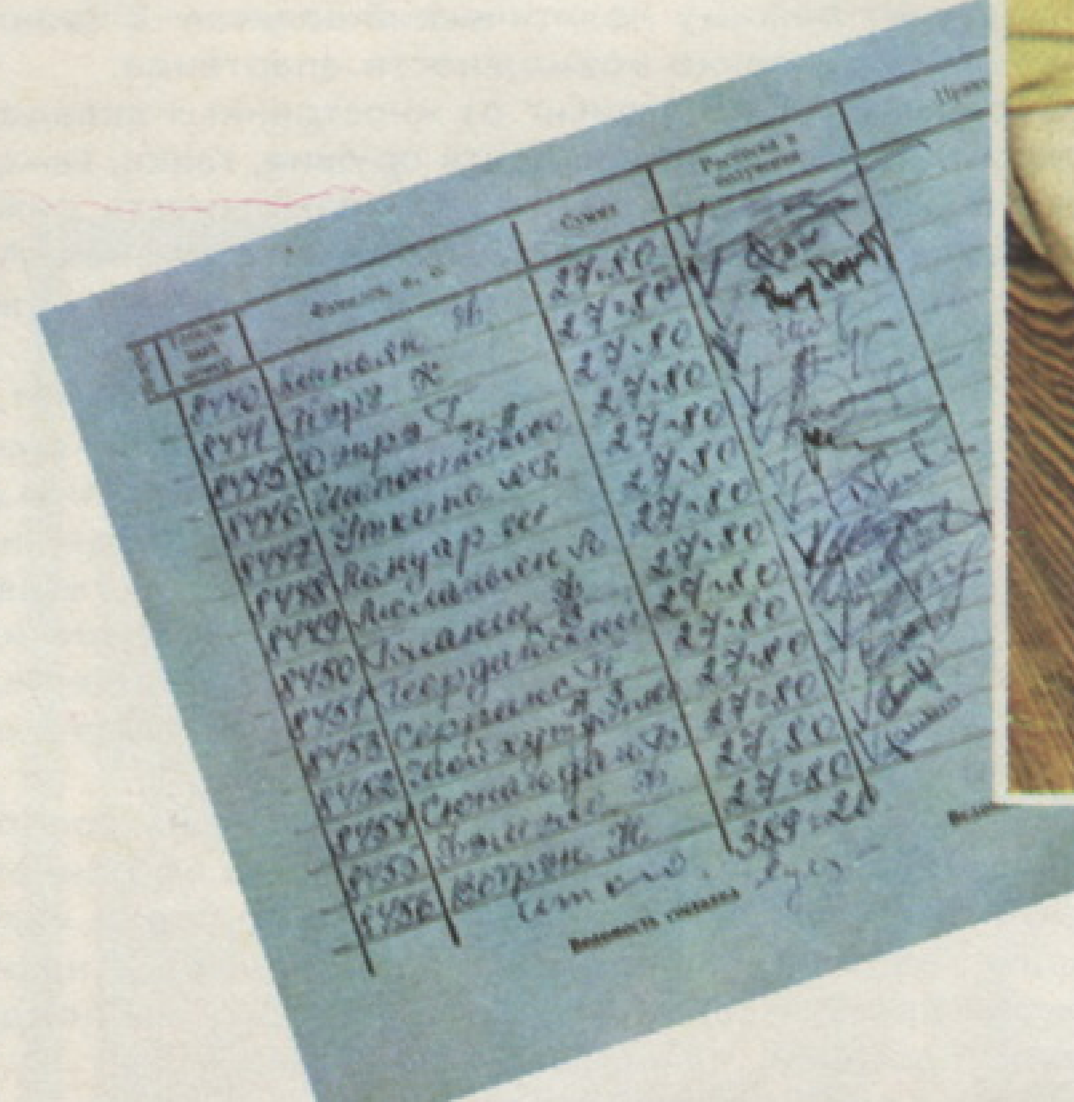
Одни приехали в Магнитогорск, используя время отпуска, другие — на время каникул, некоторые — безработные. У них есть конкретная цель: заработанные средства будут переданы в Фонд мира и фонд помощи жертвам аварии на Чернобыльской АЭС.

Кто они? Фреди Меньян — руководитель группы, тридцать один год, парижанин, по профессии фотокорреспондент, работал в «Юманите», теперь функционер ДКМФ; Франсин Бланш — тридцать лет, парижанка, инженер-конструктор на предприятии, занимающемся строительством атомных электростанций; Тьери Депрэ — девятнадцать лет, живет в парижском предместье, лицеист; Жозиан Лакур — двадцать пять лет, из Тулузы, инженер-строитель, безработная; Кристоф Пэррэ — девятнадцать лет, из деревни Святого Бартоломея под Валансом, лицеист; Паскаль Серрано — девятнадцать лет, живет в деревне Равин-Арк под По, безработная; Лоран Меланьу — двадцать два года, парижанин, специалист по информатике, безработный; Франк Фемела — шестнадцать лет, из Лонжюмо, лицеист; Беатрис Сиунандан — семнадцать лет, парижанка, лицеистка; Натали Вотрен — восемнадцать лет, парижанка, лицеистка.

Они приехали в Советский Союз, потому что сегодня самое важное — строить доверие. «Французы, как все люди Земли, хотят мира,— сказал Фреди на митинге в защиту мира студентов горного института Магнитогорска.— Но многие из них не знают правды о положении вещей. Правительство, средства массовой информации извращают факты, обвиняют Советский Союз в подготовке к войне. Вернувшись на родину, мои товарищи и я будем рассказывать правду об СССР».

Каждый вечер — встречи: со студентами, рабочими, школьниками, комсомольским активом. Всего одна неделя в Магнитогорске: надо успеть побольше узнать о Советской стране.

Из печки «Икаруса» тянет соляркой, лампы в салоне погашены, автобус торопится по темному, просыпающемуся городу. Французы поют, и я разбираю

некоторые слова: «драпо руж... пур ламур, ла жустис э ла жуа» («красный флаг... за любовь, справедливость и радость»). Заспанные прохожие крутят головами: поющий автобус? В такое-то время?

Паскаль: «У нас в деревне чистый-чистый воздух, каштаны кругом — и гора, мы называем ее Пик, там много пещер, в детстве мы в них играли. Иногда всей деревней мы поднимаемся на Пик, раскладываем корзинки с едой и смотрим вниз — на наши дома. Все крыши черные... Это очень красиво: темные крыши среди зеленого леса, как шахматная доска на зеленой скатерти».

Паскаль почти полтора года безработная. Однажды нашла место в мастерской, где чинят автомобили. На десятый день ее вызвал хозяин и сказал, что у нее нет опыта. «Откуда ему было взяться,— сердится Паскаль,— если эта работа была первой в моей жизни».

Магнитка. Небо уже серое, перечерчено дымами ТЭЦ и доменных печей. На земле еще темно, проплывают вагонетки с выплавкой, как гигантские настольные лампы. Мы въезжаем под плакат «Даешь кислородно-конвертерный цех в 1989 году!».

Кристоф: «Похоже на Лоран. Там тоже металлургические заводы. Только поменьше. И многие трубы не дымят: заводы закрываются. А тут! Видеть, как живет такое огромное предприятие,— фантастика!» Когда в ДКМФ ему предложили поехать в Магнитогорск, он не мог решиться: где это? Взял атлас, с трудом нашел точку на карте — ух, далеко. Что там за люди?

«Самое большое впечатление от почетного караула у Вечного огня. Часовые стоят не пошевельнутся. Люди кругом — очень серьезные, молчат, даже дети стоят серьезные и молчат как взрослые. Такое молчание, что слышно, как полощется огонь... Я ненавижу войну, но жил, как все: что я могу? Пока однажды не узнал — в Париже будет антивоенная манифестация мира, все, кто против войны, должны принять участие. Должны! Но как добраться до Парижа?

Денег у меня не было. ДКМФ арендовало автобус. И я вступил в ДКМФ. Париж — нас там собралось, наверное, сто тысяч, все колонны стекались к площади, не помню названия; перед нами выступали артисты, которых раньше я видел только по телевидению, выступали писатели, политики. Я удивился — да нас много!»

В столовой среди незаконченных кирпичных стен при свете лампочек, свисающих на проводах, Фреди разбрасывает раствор вдоль кладки — шлеп, шлеп. Кладет кирпичи, лицо серьезное, щекой прислоняется к стене, смотрит: ровна ли? Словно по грифу гитару выбирает. Француженки работают молча, воюя с каждым кирпичом — слишком прямоугольным, слишком тяжелым. Беатрис, потряхивая крепкими черными веревочками волос, всем телом налегает на кирпич, тот перекосился, никак не хочет лечь как надо. «Эй, Паскаль, улыбнись,— кричит бригадир,— тебя фотокорреспондент снимает». Паскаль отрывает напряженный взгляд от кирпича и в недоумении смотрит на бригадира.

Жозиан: «Мне хотелось бы строить красивые и удобные дома для простых людей или дворцы, где бы они отдыхали, такие, как этот дворец (наш разговор происходит во Дворце металлургов имени Серго Орджоникидзе, куда французы приглашены на вечер отдыха. Остальные танцуют, и Франк «выдает» брейк-данс). А в институте мне пришлось заниматься проектом фешенебельного особняка. Мой дипломный проект.

Меня удостоили степени бакалавра и вручили диплом инженера-строителя. Я радовалась и гордилась: у нас во Франции очень мало женщин, которые могут похвастать таким дипломом. Это мужская профессия, говорили мне всюду, куда бы я ни приходила в поисках места. И так три года, день за днем. Все мои мечты об одном — только бы работать. Семья? Ребенок? Может быть, мне никогда этого не испытать. Если бы не деятельность в ДКМФ, я сошла бы с ума. Родители все понимают, очень нежны со мной. Иногда я думаю: только им-то и нужна. Никому больше.

Здесь, в Магнитогорске, я впервые работаю на строительстве».

Жозиан сняла рукавицу: класть кирпич — почти ювелирная работа. Бесом скачет Паскаль, голова вертится как у заводной куклы: направо — кирпич, налево — стена, вниз — раствор, вверх летит мастерок. Шлеп, тук-тук — только и слышится кругом, никто не разговаривает.

Франсин работает рядом с Валерой: «Раствора чуть-чуть клади. Вот так». Они «добивают» четвертую стену в одной из комнат. Франк застыл у окна, как ребенок, открыв рот, зачарованный вспышками сварки под крышей.

Франк: «В лицее все знают, что я коммунист. Меня побить? Пусть попробуют. Нас целая организация — один за всех, все за одного, слыхали про такое? А этим, которые верят только телевизору, я говорю, посмотрим после лицея: будете сидеть без работы, как миленькие. Кому они нужны? Нас учат на сварщиков, а что потом? Где работать, если ничего не строят?»

Краем глаза за Франком наблюдает Фреди. Подзывает его и тихим голосом отчитывет. Франк слушает, опустив голову. Фреди отворачивается, кладет кирпич, а Франк с преданным видом бросается на груду кирпичей, набирает, подносит.

На обед! Фреди дает интервью очередному корреспонденту, Франк все еще суетится над битыми кирпичами, укладывает в аккуратную стопку годные для работы половинки.

Вышли на улицу. Из ковшей вагонеток в сером дыму вываливалось солнце. Франк задержался с кирпичами, отстал, возвращая расположение Фреди. «Франка опять потеряли!» А потом автобус покатил в столовую. По дороге на обед французы пели «Марсельезу».

Франсин: «Этим летом у нас прошел фестиваль мира. Приехали сторонники мира из ФРГ, Англии, США, других стран. На одном из семинаров мэр Киева рассказал о катастрофе на Чернобыльской АЭС. Он отвечал на вопросы искренно, ничего не скрывал. Еще был фильм, показанный организацией «Врачи мира за ядерное разоружение», о том, что произойдет, если случится ядерная война. Многие ничего об этом не знают.

Когда Советский Союз объявил мораторий на ядерные испытания, я рассказала коллегам на предприятии. И представьте, никто о моратории не знал. И когда во Франции опрос провели — известно ли вам, что СССР объявил мораторий на ядерные испытания? — семьдесят процентов опрошенных сказали, что ничего не знали. А объяснять людям хотя и трудно, но мы не отступаем. После каждого антисоветского выступления средств массовой информации мы должны предъявлять веские аргументы. Поэтому нам так важно знать всю правду о вас и вашей стране. Иначе нам не поверят, отмахнутся. Наши аргументы должны выглядеть убедительно.

По воскресеньям мы распространяем «Юманите диманш», ходим по домам, рассовываем в почтовые ящики листовки, иногда раскидываем листовки у входа в метро. Тут сразу ясно: остались на земле, значит, мы плохо составили текст, и нужно придумать, как иначе привлечь внимание. А разобрали листовки — ура! — значит, мы хорошо поработали».

17.00 — конец рабочего дня. По домам! Но остался раствор. Французы к бригадиру: «Раствор пропадет!» Задержались — добили раствор. А потом Франк заснул в автобусе, и никто не знал, куда он исчез.

Магнитогорск

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Нина ЧУГУНОВА

Капитан Александр Гринь, командир десантной роты, тяжело раненный под Кандагаром, очнулся в кабульском госпитале с ощущением пропавшей боли. Он увидел кислородную подушку над головой и капельницу у левой руки с иглой, введенной в вену и прижатой пластырем, и пищущий на экране лучик какого-то прибора — оборудование реанимационной палаты — и подумал, какое сегодня может быть число.

Он помнил, что его ранило семнадцатого января, и помнил все подробности ранения и то, что двадцать второго января его, с загипсованными ногами, погрузили в санитарный вертолет и после примерно сорока минут лета доставили в кабульский госпиталь.

Здесь, в кабульском госпитале, тем же вечером ему вдруг стало хуже. Он стал задыхаться, началось головокружение, и он понял, что теряет сознание. Он успел позвать врача и услышать, как кто-то сказал над ним голосом и тоном старшего по званию: «Срочно в операционную». Больше ничего не помнил.

Была операция? Какое сегодня число, какой день?

Шел восемьдесят четвертый год. Капитан прослужил полгода.

17 января 1984 года. Капитан Александр Гринь

Взрыв он сначала увидел. Это была слабо-синяя вспышка. Грохот, запах гари и боль он осознал позднее. Взрывом его выхватило из люка боевой машины пехоты и потащило наверх. Сверху в свете вспышки он увидел, что машина сползает с моста.

— Механик, тормоз! — крикнул он.

Он не думал, услышит ли его механик внутри машины. Он командовал автоматически в тот единственный момент, когда немедленное торможение могло спасти машину. То, что машина сползает с моста, означало, что подрыв был под правой гусеницей, а левая продолжала работать и заворачивала машину. И он скомандовал, увидев это сверху, не думая, что происходит с ним самим, а в следующее мгновение его швырнуло вниз, на броню, и новый взрыв потряс машину, подбросил его, но капитан удержался на броне.

А механик не мог выполнить приказа, даже если бы приказ можно было услышать из машины. Мина взорвалась прямо под ним.

Машину остановил второй взрыв, заклинивший и вторую гусеницу. Машина встала у ограждения моста, которое поломать ей ничего бы не стоило. Внизу в пяти метрах — река. В январе она была грязная, вспухшая от дождей. Дождь шел весь день. После занятий на учебном полигоне бушлаты на всех были мокрые. И броня была мокрая. Машина стояла в темноте потому, что фары погасли сразу же. А с ближайшей машины из колонны, остановившейся перед мостом, еще не догадались повернуть фароискатель в сторону взрыва. Машина стояла в густой от дождя темноте. Капитан попытался встать на броне, опираясь на левую руку. Правая почему-то не действовала. К машине бежали офицеры роты. Первым подскочил замполит Пустовой. «Что с тобой, командир?» — спросил он.

Август 1986 года. Москва. Тамара Владимировна Гринь

Саша женился внезапно, еще в училище, дома все были поражены. Мы немедленно приехали к нему в Казань. Меня спросил начальник курса: «Что это вы, Тамара Владимировна, что случилось?» А я ему сказала: «Как что,

Перед вами фотографии, сделанные по обе стороны советско-афганской границы. На одних — проводы. На других — встреча. И проводы и встреча наполнены радостью, благодарностью, надеждой. Чувствами, устремленными в будущее. Светлыми чувствами.

Наших воинов провожают афганские матери, афганские дети.

Они провожают их с цветами.

Цветами встречают их наши матери и дети.

С возвращением, братья, сыны!

Каким долгим был ваш путь... Семь лет назад наша страна откликнулась на просьбу правительства революционного Афганистана — в эту страну, измученную кровопролитием, был направлен ограниченный контингент советских войск. Те, кто проходил солдатскую службу в Афганистане, знают о жизни и о мире больше, чем сверстники. Они знают настоящую цену жизни. Им не по книгам, не по рассказам старших знакомы святые чувства интернационального братства! Но они так же хорошо знают страшную боль, которую им, казалось бы, не положено еще знать по молодости лет,— боль потери близких друзей.

И вот возвращение. Возвращение и надежда. Эти парни покидают страну, для которой они жертвовали многим... Но это спасенная, поднимающаяся к миру страна. Мы твердо верим.

Фото Д. ФАСТОВСКОГО и ТАСС

знаете ли, Саша женится». И он, оказывается, тоже не знал! Мне раньше казалось, что у Саши другая девушка... она жила в поселке Правдинском, в Подмосковье. Вообще он с детства привык к дисциплине, приходил из школы и сразу же садился за уроки. Я не удивилась, когда он решил стать военным, потому что армия была для него естественной взрослой жизнью, привычной. Армия для него была родной. Вот только его женитьба была для нас неожиданностью, тем более что незадолго до того я специально осторожно задала вопрос, не собирается ли он жениться, и он твердо ответил: «Нет». У меня сохранились фотографии, где их курс принимает присягу, это было очень красиво, очень торжественно. Я, разумеется, приезжала... Вместе с тем Саша рос очень домашним ребенком. Да-да, очень домашним, добрым. Это, знаете, когда бывает? Когда ребенка все любят.

Январь 1984 года. Кабул. Госпиталь

На ночь капельницу сняли, а утром поставили снова. Ночью он спал без сновидений и без боли, как без сознания. Так прошел еще день. Без боли. Но потом над Кабулом пошли тучи, и боль вернулась, ноги стало ломить, как «к погоде» ломит у стариков.

(Он не знал еще, что есть «фантомные боли», боли-призраки, самые страшные из всех призраков, достающихся человеку при жизни, потому что эта реально ощутимая боль не стареет вместе с человеком и с годами не начинает его щадить. И обычные лекарства от боли почти бессильны здесь. Госпитальные врачи и сестры знают, что за всеми покалеченными на войне — на той, далекой, на Отечественной! — боль тащится все сорок с лишним лет, не отступая, не давая продыху. И один из ветеранов рассказывал сотруднице института протезирования Надежде Федоровне Гороховой: «Веришь, Надя, будто шрапнелью бьет по руке, руку рвет. Ан ведь руки-то нет».)

Капитан подумал — надо посмотреть, что они сделали с ногами, ведь наверняка была еще одна операция. И сказал санитару, мол, отдохнуть хочу, посидеть на койке, належался. А сам он подняться не смог бы, так как пальцы на правой руке, оказывается, были сломаны в момент взрыва и теперь были в гипсе. «Ну-ка, хлопчик»,— сказал он санитару, который был перед ним все равно что пацан, этот вчерашний школьник перед двадцатидевятилетним и старшим по званию, и санитар, хлопчик, подбежал и услужил, помог, поддержал его под спину. Приподнявшись, капитан левой рукой откинул одеяло.

17 января 1984 года. Кандагар. 21.30

— Что с тобой, командир? — спросил Пустовой, подбежавший первым.

Он именно спросил, спокойным голосом. Был шум от работающих моторов машин в колонне, отступившей перед мостом, замершей у кромки, и шум дождя, и ночь, глотающая звуки (было примерно полдесятого). Но замполит не закричал. Он только повысил свой всегда спокойный голос. Такая у него была школа. И капитан ему отвечал обыкновенным голосом. Такая и у него была школа.

— Живой,— сказал он.— Скорее открывайте люки и спасайте людей.

Взорванная машина, о которой потом капитану рассказали, что на нее было утром страшно смотреть, стала сейчас смертельно опасна для жизни экипажа и десяти человек десанта там, внутри, в люках. В машине находились, как всегда, боеприпасы: ящик с гранатами, распечатанный, и снаряды. Снаряды могли сдетонировать, начать рваться от удара при взрыве. Но и то, что снаряды не начали рваться от двух взрывов под гусеницами, было случайностью.

Капитану наконец удалось встать на броне. Два офицера сняли его с брони. Кто-то из них предложил сделать обезболивающий укол, но капитан отказался. «Посветите»,— сказал он. С ближайшей машины посветили, направив в сторону подрыва луч фароискателя. Капитан посмотрел на ноги и увидел, что ранен серьезно.

Дождь шел не переставая.

У контрольно-пропускного пункта вышла заминка. Но лейтенант Сулей-

манов, спрыгнув с машины, подбежал к КПП, стал кричать: «Здесь раненые!» Машина прошла в ворота и прямиком направилась к госпиталю. И через минуту капитана вносили в ярко освещенный коридор.

— Починим тебя, починим,— сказал ему хирург.

...Но медсестра слишком торопливо стала спрашивать имя капитана и адрес родных. Капитан старался четко отвечать на вопросы медсестры, глядя в лицо ровесника-хирурга, наклонившегося над ним, пока санитары разрезали сапоги. Хирург был молодой и как будто небритый, как будто отпускал бороду... Санитары покатили его в операционную, спеша.

Потом он открыл глаза и увидел, что день и что перед ним стоит Пустовой и говорит: «Видишь, гипс, значит, все в порядке. Это хороший знак,— говорит он в который раз,— хорошо, когда гипс. Значит, они почистили раны, а теперь надо будет только выздоравливать, ждать, чтоб зажило».— «Вижу»,— ответил он. Пустовому разрешили пробыть только десять минут. Через десять минут он ушел, оставив сигареты, которые приносить нельзя было, но очень хотелось курить.

Август 1986 года. Москва. Военный хирург подполковник Николенко Владимир Кузьмич

Я помню капитана по фамилии Гринь. Он был... он молодой, русоволосый. Поступил к нам в крайне тяжелом состоянии. Что я имею в виду под словами «крайне тяжелое состояние»? Прямо говоря, парень умирал. Гангрена. Нет, не газовая. Просто гангрена. Это достаточно тяжелый диагноз. Операцию пришлось делать ночью. Я хорошо помню, что была ночь. Оперировали двумя бригадами. Что это означает? Это означает, что пришлось производить одновременно две ампутации конечностей. Я не люблю такого рода операций. Они... не делают чести хирургии. Хотя, вы правы, при чем здесь хирургия? В случае с капитаном ампутация была неизбежна, и более того, любое промедление, а тем более попытка избежать ее, обернулось бы самым худшим исходом. В данном случае мы избежали худшего, и человек остался жив. Хотя операции были очень тяжелые. Риск заключался в том, что проводились обе ампутации одновременно. Он мог и не выдержать. Но мы понадеялись на молодой организм. Мы сильно рисковали. Но риск был оправдан: надо было спешить.

...Я не люблю вспоминать подобные случаи... Скажу прямо, что думал, парень умрет во время операции. Он не умер.

Да-да, я хорошо помню, я теперь его вспомнил, его точно. Капитантик.

Январь 1984 года. Кабул. Госпиталь

...Левой рукой он откинул одеяло, санитар, хлопчик этот, служивший при реанимации и каждый день видевший столько боли, сколько не видят в бою, и слышавший, как люди от боли здесь кричат, он, этот санитар-солдат, вдруг страшно испугался молчания и лица раненого офицера. И он побежал за врачом. И вскоре кто-то быстро вошел в палату и крепко взял капитана за плечи и заставил его лечь, и вбежала сестра со шприцем, и от укола он провалился в сон, никакой не спасительный, а плохой, как плохо все принудительное, и больше похожий на потерю сознания.

Никто еще принудительно не был возвращен к жизни надолго. Это знают врачи.

Забытье человека наверх не вытянет и сил новых не даст. Это знают не только врачи.

Потом все равно придется встретиться с жизнью один на один. Это не все знают.

Он очнулся и снова подумал: *как теперь дальше служить?*

В кабульском госпитале он пробыл ровно месяц. Снотворное теперь не действовало, и ночью он оставался один. Это было настоящее одиночество, потому что даже сам он не мог быть себе опорой или собеседником. Дальше мысли, как теперь дальше служить, он не продвинулся за этот месяц. Лежал и курил. Пепел стряхивал в пустую банку из-под сгущенки. Дальше мысли, пришедшей ему в самый первый миг, он не продвинулся.

На рассвете начинал кричать мулла к утреннему намазу. Он лежал и ждал этого крика. Это означало бы, что ночь прошла.

Он слушал этот чужой возглас, будивший чужую землю. Он знал, что от этой земли ему не оторваться. И ближе ее нет. Однажды врач пришел в палату рано утром, и было слишком накурено. Он запретил выдавать сигареты этой палате. «Тем более все тут лежачие»,— сказал он. Тогда сигареты стала приносить медсестра. Она была не из госпиталя, а, кажется, со станции переливания крови. Она пришла в госпиталь, когда узнала, что привезли офицера «из Москвы». (Он был родом из подмосковного города Балашихи, но мать жила в Москве.) А медсестра, это сказала она сразу, была настоящей москвичкой с Таганской площади. Москвичка. Она должна была скоро уезжать, возвращаться.

Ей было лет двадцать пять. Москвичка с Таганки.

За те полгода, что он прослужил, Москва его не раз настигала хоть переулком, хоть выступившим едва из деревьев домом. Да, это было хорошим отдыхом: представить себе посреди дня, то есть в самую жару, тишайший московский переулок в не самый длинный день в году и угол выступившего на дорогу дома.

Медсестра приходила каждый день. Перевязки были каждый день. Они проходили в палате под общим наркозом, и после острого желания закурить, и после перевязки было тяжело. И в этот час обычно приходила сестра. Он не запомнил ее имени и лица. Она простит, если узнает это. Она — сестра. Он узнал бы ее сразу же, встретив где-нибудь в Москве. (Он часто потом проезжал через Таганку. А потом стал работать почти рядом, по московским меркам.)

Однажды, пытаясь хоть на что-то опереться, он подумал: «Как там Сережа? Как там Сережа?» Но это не помогло.

Что он знал о жизни к моменту ранения, он, едва отметивший двадцатидевятилетие (он почти забыл о своем дне рождения за делами службы, был декабрь, очень много работы, и ночью он ставил на стол в офицерской палатке две стеариновые свечи и сидел за бумагами, кипятил воду на примусе под утро и пил крепкий растворимый кофе, без которого здесь не мог,— и был вполне счастлив и примерно знал содержание писем, приходивших из Москвы, от матери, и из Казани, от жены. В конце тетрадного листочка, исписанного почерком жены, свои каракули ставил Сережа), что знал он о жизни, выпускник военного училища танковых войск, а затем командир образцового взвода, дважды писавший рапорт о направлении на службу сюда, в эту неизвестную ему, истерзанную войной страну?

Он прочел толстый том «Истории Афганистана». Там было много дат. Он любил такие книги, содержание которых было бы немыслимо без точности в датах, именах и документально подтвержденной истины. 13 июня восемьдесят третьего года вышел из самолета в Кабуле и через несколько дней стал во главе десантной роты. «Ты стал молчалив»,— сказала ему жена, когда он увидел ее буквально через месяц, внезапно получив краткосрочную командировку в Союз. «Ты загорел»,— сказала ему любимая жена, которую он впервые увидел шестого марта семьдесят седьмого года на вечере в училище, а через два месяца повел в загс. И вот он к ней прилетел из другой страны, нет, из другого мира, минуя Москву, а Сережа был на даче, и: «Ты с ума сошел, сейчас ехать к Сереже, поздно, мы поедем утром».

Что он знал?

СТРАХ. Это неприятное ощущение, знакомое по училищу: когда на тебя ползет танк, и вдруг начинаешь представлять себе, что будет, если у него заклинит одну гусеницу, а другая будет продолжать работать и начнет вворачивать танк в землю над тобой. Этим страхом, страхом за свою жизнь, можно управлять.

Здесь, в Афганистане, он узнал зной и холод, когда роте пришлось нести службу в пустыне и выставлять дневные засады на раскаленной земле, в неглубоких окопчиках лежать часы в ожидании, а ночью, когда земля мгновенно остывала, лежать на этой же окоченевшей земле. И так три дня. Он узнал, что зной, холод и голод побеждаются точно так же, как страх. Он научился

этому. И узнал, что эта победа — малая кровь...

СТРАХ ЗА ЛЮДЕЙ. Он узнал его только здесь. Это не тот страх, с которым нужно бороться. Он узнал это только здесь. В вертолете, взявшем их тогда в пустыне после трех дней и ночей, он смотрел на лица ребят и видел, как они устали.

Однажды после боя, когда они вышли в безопасное место, пройдя через виноградники, где еще могла таиться опасность, когда вышли к своим, к технике, он неожиданно для себя решил не давать никакой команды. Дать всем просто отдохнуть. Дать умыться, прийти в себя. И увидел, как притягивает земля смертельно уставших ребят, как хочется им растянуться на ней, лечь. И кто сел, привалившись спиной к технике, кто лег и мгновенно и непрочно заснул, а он, проживший с ними бой, смотрел на лица.

В Кабуле, в госпитале, в феврале, во время бессонниц, с которыми он боролся лишь поначалу, а потом стал относиться как к дежурству, капитан прокручивал перед глазами, что с ним было.

...Набиралось немного. Набиралось достаточно, чтобы на это опереться.

Он любил армию. Армия дала ему ощущение порядка в жизни. И он умел служить армии. Он умел подчиняться. И умел добиваться подчинения.

Все в палате спали как убитые. Итак, в сотый раз повторяю, он узнал здесь тяжесть потерь, и страх за товарищей, и страх за товарищей в бою, и любовь к ним, и победу с ними, и усталость, и надежду...

Все, кроме отчаяния, предательства, одиночества.

Февраль 1984 года. Кабул. Госпиталь. Ночь

Июнь 1986 года. Москва. Ночь

Что значила его жизнь для этой страны, которую он почти не знал? Через два года, купаясь на Клязьме вместе с лучшим другом майором Валерием Радчиковым (и он сам уже тоже был в звании майора, хотя и недавно лишь получил новенькие погоны) и афганским подполковником, учившимся в Москве, он увидел, что подполковник не был ни разу ни ранен, ни даже задет пулей. Он это понял, когда Асад — так звали подполковника — пошел в воду. Ни ранен, ни даже задет. Но отсутствие ранений ничего не значит, и раны не главный признак мужества. Он не сомневался в мужестве этого человека, о котором знал, что тот много пострадал за годы войны. Раны — это судьба человека, только судьба, только путь. А как он этот путь прошел, как выходил из огня?..

«Наша страна в большом долгу перед вашей страной и вашим народом,— говорил афганец.— Революция обязана вашему народу и жертвам, принесенным для ее спасения».

Знал ли этот незнакомый человек, по всей видимости воевавший вместе с Радчиковым, во всяком случае, у них были общие воспоминания, знал ли он отчаяние, одиночество, предательство? Знал, наверное.

Знал, как знала его страна.

Знал хотя бы и не по собственной судьбе, а по судьбе родины своей.

Одиночество, предательство и отчаяние — все это не признаки жизни.

Нет, это не признаки жизни. Это *призраки*, испытывающие жизнь близостью смерти.

Да, это призраки смерти, испытывающие жизнь. «Моя страна в долгу». Это не мог сказать немужественный человек, не мог — не знающий отчаяния смерти.

Это было в Москве полтора года спустя, а в феврале, в Кабуле, ночью, в госпитале он курил и ни о чем не думал, подчиняясь отчаянию. Он медленно вспоминал.

В Ташкенте было яркое солнце. Из Кабула прибыл самолет. Здесь уже была Родина, дом. Но возвращение только начиналось. Ташкентский госпиталь, третий по счету. Счет только начинался.

— Ты только не волнуйся,— сказал ему начальник хирургического отделения.— Ты с перевязки, поэтому не волнуйся, сейчас нельзя. Но тут к тебе приехали.

Он не спросил сразу кто. И врач, первым открывший дверь палаты, буквально натолкнулся на его взгляд.

Август 1986 года. Москва. Тамара Владимировна Гринь

Когда я узнала, что случилось с моим сыном, с Сашей, я, говорят, страшно закричала. А потом, я уже помню, я сказала кому-то из девочек, сотрудниц: положите в мою сумочку *мой* лак для волос. Я всегда беру на работу лак для волос, потому что женщина обязательно должна выглядеть безупречно. Я решила лететь немедленно, но сначала здесь же, на работе, люди дозвонились до Ташкента и наконец передали трубку мне, и мне сказали по телефону неправду. Я собралась с духом и сказала: «Неправда. Говорите мне всю правду. Я — мать». Они было стали повторять то же самое, и я все терпела и ждала, чувствуя, что правда все равно будет страшнее. Я взяла очень хорошие платья и в Ташкенте сразу в госпиталь не пошла, а, остановившись у родственников, уснула и утром пошла в парикмахерскую и сделала себе маникюр и прическу. А после я пошла в госпиталь. Начальник сказал мне, чтобы я подождала в его кабинете. Я ждала. Я знала, что моего собственного горя нет, а есть Сашина жизнь. Как я войду и что я скажу — вот ее начало. Это я знала точно. Врач предупредил меня, что Саше только что сделали перевязку, он слаб. Я вошла. Я поняла, что он жив, живой. И я бросилась к нему. Но он сидел на кровати... он был как затравленный зверек. Худой, обросший бородой. Потом я сказала врачам, что отменяю сильнодействующие обезболивающие. Они мне ответили: «Разве вы медик, чтобы определять дозировки?» — «Нет,— сказала я им,— я мать, но я и медик, я управляю аптекой в Москве, только здесь перед вами мать, и я лучше знаю собственного ребенка. Если вы ему будете колоть все это, он может и не подняться. А ему еще надо служить Отечеству, ему надо становиться полноправным членом общества». Они обещали мне. Через несколько дней мне сообщили, что для Сашиных сопровождающих в самолете есть два места. Я вынуждена была ответить, что надо оставить только одно, для меня, для матери. Больше не понадобится. И так вот мы прилетели в Москву и потом ехали в госпиталь имени Бурденко, и там Сашу долго оформляли, и наконец я уехала до утра домой, а Саша остался жить здесь, на Госпитальной площади.

Он был очень хороший, правильный ребенок, очень добрый. Когда я бросилась к нему и стала его целовать, он все молчал и смотрел на меня, а потом спросил: «Где Оля?»

Москва. Госпиталь

В палате двое лежачих было. А остальные были ходячие. И тут же лежал военный летчик по имени Юра. Юра был веселый человек, он унывать не давал. Он сказал капитану, чтобы тот не бездельничал, а хоть вот кубик Рубика собирал. Ночью летчик просыпался от хруста кубика и спросонок обещал: «Отберу». Потом просыпался окончательно, смотрел на капитана и говорил ему: «Ладно, понял, вставай, пошли покурим». Он пересаживал его на коляску и вез в коридор, и там они немного разговаривали, а потом Юра все-таки засыпал.

...А он оставался один с кубиком Рубика в руках в этом старом военном госпитале с прочными стенами, с колоннами, когда-то бывшими, наверное, мраморными, а сейчас сделанными под

мрамор, со слежавшейся, как стопы книг, тишиной старинных русских госпиталей, с Москвой за прочными стенами, со старой, называвшейся почему-то «солдатской», церковью, с трамваем до метро «Семеновская» и с госпитальной бессонной тишиной по всей Москве...

Он думал: «А к осени выйду совсем». Но была еще операция, и почему-то он очнулся в реанимационной палате и вспомнил, как кто-то бил его по щекам и требовал, чтобы он проснулся, а пробуждаться никак не хотелось. А потом началось снова восхождение к боли.

И снова начиналось восхождение к боли, и он старался на этот раз пройти дальше, он только не знал, возвращение ли это. Возвращение ли это?

«Как там Сережа?»

Москва. Госпиталь. Зима

Сережу он видел один раз. Его протащили через окно. Сюда детей не пускали, поэтому его протащили через окно. Оказалось, что он еще маленький совсем. Маленький тихий мальчик. Пятилетний мальчик в костюмчике. Он сидел и ел мороженое. Кто-то дал ему мороженое. Он пришел с яблоком. Отложил яблоко и стал есть мороженое. Ему, разумеется, ничего не сказали. Он родился в Казани легко, без осложнений, что было плюсом организму очень молодой матери, вчерашней студентки института культуры, любившей танцы, гостей и чтение книг, а также слова «Ты должен». (Он увидел ее 6 марта в год выпуска на вечере в училище, на танцах...) Думали, как назвать сына, и решили, что Сережа — хорошее имя. И вот он рос и все больше походил на него. Худой мальчик в костюмчике, его протащили через окно, и он испугался того, чего не знал.

В госпиталь принесли книгу. Он знал, что это великая книга, он читал ее в детстве. Он открыл ее — книгу, которая должна была, по чьему-то замыслу, поддержать его силы, дать ему решимость. Он прочел надпись, адресованную ему лично: «Впереди еще много славных дел, а мужества у вас хватит. А. Мересьев». Он прочел книгу снова, но она не открыла ему будущего.

Он приказал себе ждать. Теперь все зависело от решения неизвестного ему профессора Санина из института протезирования и протезостроения. Санин должен был решить: возможно ли возвращение в принципе?

Август 1986 года. Москва. Надежда Федоровна Горохова

Я начала работать в институте в сорок шестом, когда здесь еще госпиталь был... Наша наука — наука реабилитации — очень старая, древняя, очень нежная наука. Человек ведь по природе весьма нежный, его нельзя подгонять ни под протезы, ни под мысли. Бывает так: забыл, как ходят. Забыл! Учимся снова. Шаг за шагом. Да что шаг, сначала просто стоять — долгий труд. Научился стоять. Потом полегоньку, опираясь на перила «ходилок»... Саша к нам попал «вне конкурса», потому что он пострадал не в результате несчастного случая. Я полюбила его, как сына... Однажды я увидела, что он сидит в саду в коляске, а на скамейке молодая женщина. Так они посидели, а потом Саша приехал в палату. И я несколько дней даже не пыталась начать наши занятия. А потом пришлось многое заново учить. Плохо, когда человек остается один. Всегда плохо. Эта женщина, жена... я не разглядела ее лица. Я не хотела бы увидеть, какое у нее лицо. Красивая она или нет, это мне все равно.

Май 1984 года. Институт протезирования. Москва

Для того чтобы он не упал, его держали два человека. Так он впервые надел протезы. Он не почувствовал земли. Через пять минут началось головокружение. Он простоял десять минут. Больше не смог. Сел. Был весь мокрый. Был один.

Нет, не один! А Валерий Радчиков, прошедший тот же путь и вернувшийся, отслуживший новый срок там же, в Афганистане, герой газетных публикаций, разочарованный в газетчиках, написавших о его «легкой походке», певший их «афганские» песни в садике института и потребовавший от него исполнения долга перед самим собой?..

Не один.

Июль. Москва

Он пошел. Потом смог пройти сто метров от палаты к спортивному залу. Надежда Федоровна была поражена.

Май 1985 года. Москва

Был май, конец мая, он уезжал в военный санаторий для окончания лечения. Там ему предстояло встретиться с хирургом Николенко и с сержантом из своей роты Валентином Богдановым и узнать, что ранен Пустовой...

Был май, открыты окна. Принесли конверт. Он открыл конверт, увидел штамп Министерства обороны и узнал, что победа пока за ним. Он, капитан Гринь, награжденный за службу орденом Красной Звезды, решением министра обороны получал возможность продолжить службу. Полгода он ждал этого ответа. Он узнал отчаяние, предательство, одиночество. Но ответ пришел. Он снял с него копию, оставил ее себе навсегда. Он к службе был готов как никто.

Март 1986 года. Москва

Он вышел на службу. Майорские погоны были новенькие. Часто возвращался из военкомата под ночь. Москва была полна полузимними, полутеатральными огнями. Москва была не чужая. Он останавливал машину на какой-нибудь шумной и облитой огнями улице и сидел, смотря, а толпа огибала его, обрушивая запах и свежесть ночи. Работал очень много. Конечно, уставал. В военкомате всегда много работы. А он только начинал. Надо было стараться.

Возвращение

Однажды ему передали приглашение из комитета ветеранов войны зайти для беседы. Он выбрал день посвободнее, испросив разрешения у военкома, и поехал. У здания его остановил милиционер. Он объяснил, куда едет. «Майор,— сказал милиционер, наклоняясь к машине,— там им не до тебя. Там торжество. Мересьева чествуют».— «Понял»,— сказал он и повернул назад. Он проезжал мимо памятника Николаю Васильевичу Гоголю, который был, видимо, похож в точности, как в жизни, но никогда в жизни таким не был: он стоял в Москве, как в раю.

Сережа пошел в школу в Казани.

Сентябрь 1986 года. Москва, Александр Гринь

— Знаете ли вы жизнь?

— Нет. Но знаю, что должна быть цель. Своя цель.

— Разумеется, самая высокая, труднодостижимая?

— Нет, ясная, достижимая. Не надо пустых затей.

— Как узнать, пустая ли затея?

— Обязан знать.

— Есть ли у вас мечта?

— ...Да.

— А планы?

— Да. Я хотел бы съездить к родителям ребят... Я нашел адреса, прислали из роты.

— Считаете ли вы, что человек должен жить в постоянном напряжении всех своих сил, а иначе ничего не достигнет, не добьется?

— Нет, я так не считаю. Человек должен жить, радоваться. Просто он должен быть готов в нужный момент собраться и действовать. Но моментов, требующих всех сил, немного в жизни.

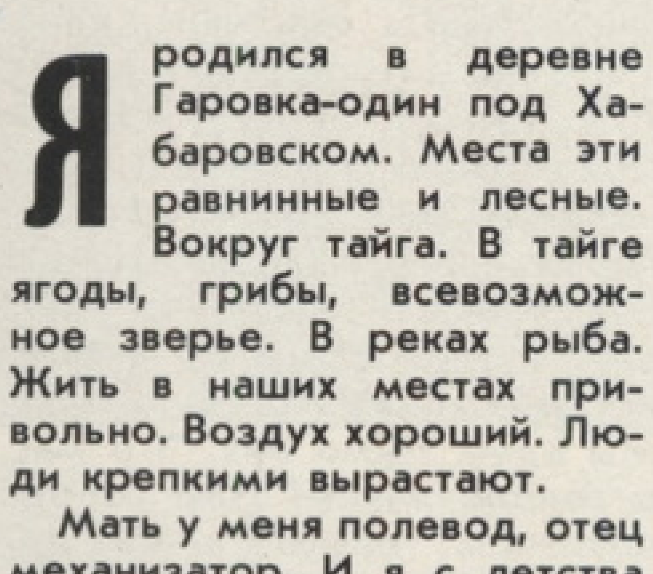

ОБЫЧНАЯ ШОФЕРСКАЯ РАБОТА

Сергей ИСАЕВ,
водитель ЗИЛа

Я родился в деревне Гаровка-один под Хабаровском. Места эти равнинные и лесные. Вокруг тайга. В тайге ягоды, грибы, всевозможное зверье. В реках рыба. Жить в наших местах привольно. Воздух хороший. Люди крепкими вырастают.

Мать у меня полевод, отец механизатор. И я с детства по стопам отца пошел — меня к технике тянуло. Начал я с трехколесного велосипеда, ездил на нем по деревне, а к десятому классу уже и грузовик умел водить, и отцовский комбайн. Любил в моторе копаться, неисправности отыскивать: это для меня так интересно, как другим кроссворды решать.

Ничего необычного во мне не было и нет. В школе ничем особенным я не выделялся. Техникой у нас в деревне многие ребята интересовались. В общем, можно сказать, я такой, как все, типичный, что ли. И, как все, в армию пошел. Но на приписной комиссии меня спросили: «Техникой интересуешься?» — «Да». — «В автомобильное училище пойдешь?» — «Пойду». Четыре года прошло — и 31 августа я лейтенантом прибыл в часть для прохождения службы.

Я прослужил сентябрь и октябрь. И тут приказ — отправляться в Эфиопию для оказания интернациональной помощи пострадавшему от голода и засухи народу.

Что я об Эфиопии знал? Думаю, не больше и не меньше любого моего сверстника, окончившего школу и училище и не проявлявшего повышенного интереса к географии. Ну, знал, есть такая страна. Но она для меня как бы сливалась со всей Африкой: жара, бегемоты, баобабы... О голоде слышал, даже видел голодающих в программе «Время» и, конечно, сочувствовал им, как каждый. Но сочувствовал, честно говоря, скорее умом, чем сердцем,— точек соприкосновения у меня с ними не было, представить не мог, как там они.

На три тысячи километров перебросить машины и людей — это работа! Она была поручена именно нам, военным, потому что мы можем делать эту работу быстро и надежно. Машины выбирал я. Они были все одинаково новые, у каждой по двадцать километров заводского пробега. Но у каждой свой нрав, своя сила и слабина. Это знает каждый автомобилист. Как поведут они себя там, в Эфиопии? Я не знал, ни какие там дороги, ни какие расстояния придется преодолевать, но понимал, что предстоит трудная работа. Иначе нас не послали бы. Я заглядывал каждому ЗИЛу под капот, проверял зажигание и тормоза — эти мощные, трехосные машины должны были целую страну вывезти из голода.

Грузились — люди на теплоход «Шота Руставели», грузовики — на сухогрузы. Я отвечал за погрузку на одном из сухогрузов. Там лифты и палубы: сразу четыре грузовика въезжают на лифт, и он опускает их вниз. Грузили медикаменты, палатки, походную прачечную, хлебопекарню, дрова... Я все удивлялся: едем в Африку и везем с собой зачем-то дрова. 7 ноября вышли в море...

Я был с машинами на сухогрузе. Сухогруз пришел ночью и встал на рейде порта Асмэры. Я видел в море огни «Шота Руставели». Землю увидел только утром, когда начали разгружаться,— низкая плоская земля красноватого цвета, домики на ней. Что нас ждет? Офицеры, прапорщики, солдаты между собой об этом говорили,

ожидая баркаса, который свозил их на берег. А я разгружал машины, передавал их шоферам — они сразу рассаживались по кабинам, выводили ЗИЛы и строили их в колонну.

Я в некотором недоумении. О чем рассказывать? Время слиплось в ком, день был похож на день, месяц на месяц. Что я видел? Наш лагерь в Аддис-Абебе, у аэропорта, эфиопские дороги и зад идущего впереди грузовика. Пыль эфиопскую я видел и глотал ее пудами, как все.

Я там не туристом был. Я работал там. А наша работа какая? Утром встали, позавтракали, поехали. Едем весь день. Встали на ночь, посмотрели кино, поспали в кабинах, едем дальше. Так много дней. Безостановочно. В лагерь вернемся, попаримся в баньке (сами поставили; единственная на всю Эфиопию баня с парилкой...) — и снова в рейс. Два рейса — месяц. Два рейса — месяц.

Рейс от рейса неотличим. Не помню, что было в одном, что в другом. Обычная шоферская работа. В необычных условиях. Самое необычное то, что от тебя и твоих грузовиков зависит жизнь людей. Приедешь ты к ним в их далекое селение — они будут жить. Не приедешь — умрут.

Мы высадились в Асмэре и пошли к Аддис-Абебе. Но уже в Асмэре эфиопы попросили нас взять до Аддис-Абебы груз пшеницы.

Жара под пятьдесят. Пыль. Красноватая, едкая. Кабина прогревается, нечем дышать. Ни бегемотов, ни баобабов — безлюдная выжженная равнина. На обочине двухсотлитровые железные бочки с водой — вода под солнцем давно зацвела, в ней полно насекомых. В гору идет дорога, круче и круче. Забрались на высоту, ползем по узкой полоске между пропастей. Тут прохладно, но нехватка кислорода. Вниз, в пропасть, глянешь — колени дрожат. Идем медленно, в первый день сто сорок километров прошли. По союзным понятиям, очень мало. Но там другие понятия.

И стали оказывать интернациональную помощь. Ездить стали.

Что случилось в Эфиопии? Случилось то, что бывало и раньше: засуха. Солнце выжгло житницу. Не стало тэфа, из которого крестьянин печет свое основное кушанье — инжиру, нечто вроде блина. Пересохли колодцы.

Это значит — смерть. Смерть, потому что у страны нет обильных запасов. Смерть, потому что скот — живой мясной запас — в засуху гибнет раньше людей. Мы видели эфиопских коров, и их было жалко почти так же, как людей. Костяк, обвешанный морщинистой шкурой, несчастные глаза. Она идет и шатается. Смерть.

Правительство на автобусах вывозит людей из пораженных районов. Оно создает для них новые поселения. Но люди истощены. Им нужна глюкоза, пшеница. Откуда взять?

Медикаменты и продовольствие есть в стране — их доставляют в Асмэру наши суда, в Аддис-Абебу — наши самолеты. Но как накормить голодного, если пшеница в одном конце страны, а он в другом? Как врачу сделать инъекцию глюкозы, если человек, изнуренный голодом, до госпиталя добрел, но глюкоза-то на складе, в сотнях километров? Автотранспорта в Эфиопии мало. Лошадки эфиопские истощены сверх меры — сядет такая на задницу на дороге и сидит, а у крестьянина нет сил поднять ее.

Вот, значит, зачем мы туда приехали, чтобы ездить не останавливаясь. Без наших грузовиков страна пропадет: некому и не на чем будет развозить пшеницу и глюкозу.

Дороги в Эфиопии в основном грунтовые. Идет колонна — впереди, на «уазике», командир, в конце техзамыкание. Тут же идет с нами цистерна-водовозка. Но она если в сезон дождей застрянет, то выбираться даже не пытается, стоит ждет, пока ее вытащат. Ну а наши трехосные ЗИЛы в любую погоду по любой дороге (или без дороги) идут. Вообще-то в сезон дождей, с июня по октябрь, движение в стране замирает. Но мы ездили. Нельзя было не ездить. Мы встанем — люди начнут умирать. А по размытым эфиопским дорогам ехать что по танкодрому, где гусеницами глубочайшие колеи продавлены: вертишь руль влево, вертишь руль вправо, а машина сама собой скользит вперед...

Иногда навстречу нашей колонне другая — автобусная. В автобусах высохшие, черные люди. Они припали к стеклам и молча смотрят на наши грузовики, груженные пшеницей.

А иногда обгонит нас легковая с дипломатическим номером США или Англии. Пристроится перед носом. И кто-то там через заднее стекло фотографирует грузовик. Зачем? Они думали, что мы возим оружие, прячем его под брезентовыми тентами. Когда наш командир узнал об этом, то приказал брезентовые тенты с кузовов снять, чтобы каждому виден был груз: четыре с половиной тонны жизненно необходимых вещей в каждом грузовике.

Обеденные стоянки были всегда в одном месте. Мы ставили баночки с кашей на капоты, и они разогревались, как на плите. Люди из поселений узнавали заранее, что колонна идет — весть о нас шла по стране перед нами,— и сходились к нашему лагерю. В первый раз постоят, посмотрят, в общение не вступают. Эфиопский крестьянин — сдержанный человек. Мы же сварим ведро каши и жестами приглашаем. Первыми идут дети — веселые полуголые пацаны. Их тянет к машинам, так же как меня когда-то в детстве в моей Гаровке тянуло. Я одному сахара дал кусок — он не понимает, что это такое, не видел никогда. Взял и побежал маме показывать...

На дороги они выходили, заслышав, что колонна идет. Для них колонна — жизнь. Пока «раша» (русские) ездят, надежда есть. Людей, вывезенных из голодающих районов, узнаешь сразу, по глазам, а уже потом по всему остальному. Они стоят молча. Мы едем мимо них. Что мы о голоде знаем? Нам голод незнаком: только в книгах да в кино видали... Едем, смотрим на них — сердце щемит. Все стадии истощения от голода видим. Видим и конец — кто-то на обочине лежит, накрытый белой тряпкой. Видим и матерей, прижимающих детей к пустым грудям.

Сердце солдата этого выдержать не может. В окна, не снижая скорости, не выбиваясь из колонны, бросаем им все, что у самих есть,— печенье, конфеты, сухари из сухпайков.

Однажды перевал прошли — 4 тысячи 300 метров. Смотрим — а внизу наши вертолеты летят. Они тоже продовольствие возили. Их командир потом говорил: «Лечу, вижу, машины над облаками. Хочу подняться к вам, а не могу, воздух разреженный...» — «Ну да (мы смеемся), мы решили дороги бросить и по облакам ездить!»

Вверх, вниз, из жары в кислородное голодание, день за днем... А вечером на построении шоферы наши (такое бывало) падали в обморок. И у ЗИЛов отказывало зажигание — машинам в африканской жаре так же трудно, как людям. Но машины чинили, устанавливали новое, «тропическое» зажигание, а люди потихоньку приходили в себя, пили воду маленькими глоточками и утром снова садились за баранки, чтобы везти пшеницу, консервы, глюкозу. Ну а кто за баранкой не сидел, тот все равно знал, зачем он в Эфиопии, и делал что мог, как портной наш, который, когда мы уходили в рейс, оставался в лагере и шил из обмундирования рубашки эфиопским пацанам.

Раскаленная красная пыль, запах горячей, об дорогу стершейся резины, дороги, дороги, дороги — вот что такое была для всех нас Эфиопия.

Мне кажется, это все. Я рассказал вам о том, что была для меня Эфиопия, что я там делал вместе с другими. Подходили к нам там люди, жали руки — я не знаю имен этих людей, не знаю, что с ними стало. И не спрашивайте меня, что я еще видел, с кем говорил, не выуживайте из меня рассказы о приключениях, которые якобы непременно должны были быть...

Разве что вот еще один случай. Мы пришли в селение, разгрузились. Люди стояли вокруг нас, улыбались, говорили два обычных в таких случаях слова — «раша» и «бред» (хлеб). Не слова сами важны, а интонация — ласково они это говорили, благодаря. Но вот команда, и мы опять лезем в машины, в не успевшие остыть кабины, и ревут моторы, и колонна трогается в путь. И я смотрю назад, а за нами, все отставая, но никак не смиряясь с тем, что отстает, бежит эфиопский пацаненок, и кричит что-то, и машет нам, машет.

ПЕСНИ ОДНОЙ ЗЕМЛИ

Н. КАБАНОВА

1. КОНЦЕРТ. Небольшой уютный зал библиотеки имени Мате Залки. Аккуратные ряды кресел. Рояль. Тишина, какая бывает задолго до концерта, когда исполнители еще не приехали и зрители не собрались. А я пришла пораньше и терпеливо жду, пока начнет сходиться публика. Сегодня здесь на вечере, организованном общественно-политическим клубом «Пульс планеты», выступает ансамбль политической песни «Гренада».

Одно за другим опускаются откидные сиденья кресел — зрители постепенно занимают свои места. Откуда-то из-за сцены вдруг доносится мелодия, мелодия приближается, и вместе с ней на сцене появляются участники «Гренады», прямо на ходу открывая концерт. И нет уже за окном пыльной московской улицы. Исчезла. Растворилась в звуках песен — чилийских, никарагуанских, русских, немецких, итальянских...

Это очень разные песни. Но концерт не распадается на пестрый ворох обособленных номеров, не рассыпается разноцветным конфетти. Невидимая ниточка, столь же прочная, сколь и неуловимая, тянется от песни к песне, связывая их в единое целое.

...Они начинают тихо, издалека, а капелла: «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед»... Ближе колонна партизан, громче звучит песня, ярче и напряженнее становится мелодия, вступают инструменты, крепнут голоса, мелодия раскаляется докрасна: «Наливалися знамена кумачом последних ран»...— ярче, ярче; пожар, бушевавший внутри песни, вырывается наружу торжествующим фортиссимо: «Этих дней не смолкнет слава!..» — и ритм вдруг ломается, рассыпаясь, делаясь не таким привычным и все же оставаясь знакомым,— латиноамериканский ритм ведет песню дальше, чуть изменяя ее форму, но не суть. Вовсе не прихоть «Гренады» запеть «По долинам и по взгорьям» на испанском языке. Трудно теперь установить, как попала эта песня в Сальвадор, но звучит она так, как звучала десятилетия назад по другую сторону Тихого океана, и бойцы отрядов имени Фарабундо Марти считают ее своей, народной.

Композиция «Слушай, Африка» состоит из песен, превратившихся в фольклорную редкость даже в самой Африке. А то, что к экзотическим инструментам, чья родина — далекий континент, уверенно присоединяется рояль, совсем не кажется искусственным. В Москве, во время фестиваля, они просили петь молодых людей, приехавших из разных стран Африки,— тамтамом часто служили подлокотники кресел, а ритм бомбо (большого удлиненного барабана) отбивался по крышке гитары. И вот теперь они поют эти песни в центре Москвы — и они не кажутся чуждыми пестрому городу. В концерте «Гренады» музыка стран, континентов и народов не разделена, а, наоборот, слита в какой-то один, единый звуковой поток: в ритм глухих африканских барабанов вплетаются красные ниточки древнеиндейской флейты кены, славянская трубочка кавал и припрыгивающее американское банджо вместе наигрывают аргентинское танго. Это мелодии разных стран, но одной Земли.

2. ЧАРАНГО, МАРИМБА И ДРУГИЕ... В коллекции музея музыкальной культуры имени Глинки — четыреста музыкальных инструментов разных времен и народов.

В коллекции ансамбля «Гренада» — сто восемьдесят девять.

Экспонаты музея важно молчат, принимая как неизбежность стерильную чистоту обстановки, и лишь таблички на стенах и стеллажах, беспристрастные и лаконичные, сообщают сведения о каждом из них.

Коллекция ансамбля «Гренада» звучащая. Инструменты можно посмотреть. А можно взять в руки и, если сумеешь, поиграть. Суметь трудно, самое большее, на что я способна,— это запомнить диковинные названия: чаранго, кока, тарка, гуачарана...

Сергей Владимирский играет на всех ста восьмидесяти девяти. В это трудно поверить, но это так. В его руках все сто восемьдесят девять оживают, обретают голос и силу; он, маг и чародей, расколдовывает их.

на стр. 27 ▶

НАЧАЛО

Вы уже видели его по телевидению — I Международный молодежный фестиваль «Песня в борьбе за мир», который состоялся в октябре прошлого года в Киеве. Ну а как он видится, если смотреть не из зала? Если примоститься в уголочке за кулисами и просто наблюдать, впитывать в себя суету, мельтешение лиц? Когда они ждут очереди на пороге своей песни, уже не просто Миклош, Билли и Беттина, но еще и не (звучно, сценическим голосом): «Миклош Варга и его группа», «Билли Брэгг, Великобритания»,. «Группа «Соккерне», Дания»... Там, на сцене, они будут такими, какими должны быть в глазах публики, какими призывает и обязывает их быть песня. А здесь они еще смеются, молчат, болтают, но только друг с другом, с собратьями по труду. Сейчас корреспонденту с вопросами соваться нельзя. Никому же не придет в голову лезть с расспросами к сталевару, когда вот-вот пойдет металл...

Билли Брэгг работает песни трудно. Да, он рок-музыкант, но какой-то «не такой»: просто гитара, просто голос, извольте сосредоточиться на тексте. В Англии его называют рок-бардом. Билли приехал из страны с богатейшими традициями рок-музыки, поэтому и спрос на него у журналистов огромный. Но седьмой номер «Ровесника» за прошлый год со статьей о нем и об организованном им движении «Красный клин» служил пропуском (правда, не только для корреспондента «Ровесника», но и для других заинтересованных лиц).

— Билли, каждую свою песню ты предваряешь рассказом о ней, о том смысле, что в ней заложен. Ты предельно серьезен на сцене. Но скажи, изменили ли твои песни хоть что-нибудь в сегодняшней Великобритании?

— Я смотрю на вещи реально и знаю, что сама по себе песня ничего изменить не может. Я вижу проблему, говорю о ней, и пусть мои слушатели решают, какие сделать выводы.

— А не лучше ли оставить это занятие для прессы, радио, телевидения — пусть себе информируют, а публика будет решать?

— Ты не знаешь, что такое буржуазные средства массовой информации. Они все могут перевернуть с ног на голову. Или преподнести «нейтральную» информацию, из которой ничего не будет ясно. А музыкант не просто излагает факты, он выражает свое к ним отношение — в том и отличие песни от газетной заметки...

Предновогодний номер «Нью мюзикл экспресс», британского рок-еженедельника, отметил выступление Брэгга в СССР как одно из событий года, «не переворачивая информацию»: такой контакт английской рок-музыке, похоже, действительно необходим. Простая арифметика: если принять за аксиому, что рок-музыка все же отражает настроения своей публики, значит, английской публике необходим контакт с публикой нашей.

Тем, кто в музыке хочет видеть лишь украшение будней, рок Билли, мелодии его песен покажутся однообразными. Ну и пусть. В конце концов, в песнях Высоцкого тоже: «извольте сосредоточиться на тексте».

В одно дождливое утро Беттина Педерсен проснулась и обнаружила на тумбочке у кровати киевский торт с воткнутым в него датским флажком. В то утро Беттине исполнилось двадцать лет. Беттина — участница девичьего ансамбля «Соккерне». Самая серьезная работа у «Соккерне» на рождество: «Соккерне» ходит по детским садам и разыгрывает спектакли. В Киеве все было наоборот: «Соккерне» привезли в детский сад, и там выступали дети. Беттина смотрела на детей спокойно и серьезно: у нее пока нет своих детей, а она хотела бы иметь четверых. Именно четверых. Но Беттина боится — она не хотела бы видеть, как гибнут ее дети в пламени войны.

— Но ведь рожали же детей во время второй мировой войны в оккупированной фашистами Дании...

— Тогда была надежда, что война кончится и дети будут жить. А теперь даже нет такого понятия «во время войны». Раз — и все.

В некоторых датских детских садах и школах учителя и воспитатели объясняют детям необходимость борьбы за мир. Дети приходят домой и объясняют это родителям. И учителя и воспитатели рискуют: потому что иные из родителей вполне могут обвинить их в... «коммунистической пропаганде». «Да, да, именно в коммунистической, такое уже бывало».— Беттина серьезно разглядывает детские флажки с надписью «Миру — мир».

Альфонс Нгалсиама Мбама не знает русского языка, но здесь, в Киеве, он с большим вниманием изучал транспаранты, плакаты, газетные заголовки. Однажды к нему подошла группа поклонников (Альфонс был одним из любимцев публики), и девушка через переводчика попросила: «Пожалуйста, спойте что-нибудь для нас». Альфонс взял гитару и спел на русском языке примерно следующее: «Люди планеты, объединим свои усилия в борьбе за мир, скажем «нет» ядерной угрозе, от нас зависит будущее Земли, пусть небо над головами наших детей будет чистым и мирным, да здравствует дружба между народами мира, единство, равенство, братство»... Не уверен, что в точности воспроизвел текст песни Альфонса. Но вы бы слышали это! Он умудрился виртуозно вплести слова в непростую для европейского слуха, очень зажигательную мелодию. Жаль, что Альфонс не спел эту песню на сцене.

Ну до чего ж хороши они были, особенно гитарист и бас-гитарист: отчаянно вздыбленные волосы, плотно пригнанные штаны. Один в чем-то вроде размахайки с короткими рукавами, второй в шелковом халате с драконом на спине, на руках браслеты с заклепками. Ух! Пока ударник с органистом задавали ритм, двое самых-самых подошли к краю сцены и призвали публику размеренно хлопать в ладоши. Потом поняли, что с нами этот номер не пройдет, и взялись за инструменты. Что это была за музыка? Думаю, присутствовавшие в зале поклонники хэви металл-рока были довольны на все сто. Сам я не любитель тяжелого рока, но должен признать, что песня «Европа» в исполнении группы Миклоша Варги из Венгрии звучала очень мощно и искренне. Песня о нашем континенте, уставшем от войн и имеющем право на счастье и спокойную жизнь.

Вечером я увидел их в гостиничном буфете и не сразу узнал. Во-первых, вблизи они ужасно щупленькие, во-вторых, невероятно застенчивые — не сосчитать, сколько шустрого народа пролезло перед «грозными рокерами» без очереди. А они взяли лимонад и, поскольку свободных мест за столиками не оказалось, смиренно устроились на ступеньках. И видно было, что чувствуют они себя не

в своей тарелке. Настоящая жизнь — на сцене. Уж там-то они знают, что делать, как стоять, там громкая музыка, лучи прожекторов, и ты чувствуешь, что публика слегка побаивается тебя, потому что на спине у тебя дракон, а на руках браслеты с заклепками.

Рок-музыки на этом фестивале звучало много... Написал эту фразу и вспомнил, что рок «апеллирует к первобытным инстинктам толпы», «оказывает гипнотическое воздействие на слушателей», вспомнил дискуссии на тему «Нужна ли рок-музыка советской молодежи?». Те, кто доказывал, что не нужна, люди опытные, поднаторевшие в дискуссиях, а их оппоненты — мальчишки, твердившие в ответ одно и то же: нам эта музыка нравится, она созвучна нашим настроениям. Им говорят: это не аргументы. А что аргументы? Пожалуйста: «От рок-музыки у коров резко падают удои молока, что свидетельствует о несомненной ее вредности и для человека.

Достоверно известно, как в свое время многих возмущал вальс. Но тогда было проще: вальсирующих обвиняли всего-навсего в безнравственности. А всей без разбора рок-музыке приписывают пропаганду насилия, бездуховности и даже антикоммунизма. Это обвинения посерьезнее. Отсюда и призывы — запретить на корню и в любых проявлениях.

Есть в рок-музыке, никто не спорит, явления уродливые, но ведь немало исполнителей, которые искренне борются за то главное, что отстаиваем и все мы,— мир на Земле (хотя, естественно, по каким-то иным вопросам наши взгляды могут расходиться). Но если мы говорим, что в борьбе против войны нужно объединять все миролюбивые силы на основе общей тревоги за судьбу человечества, почему бы не признать, что объединить молодежь разных стран может и рок-музыка? И хватит отделять рок от современности и отгонять молодежь от рока. Побольше доверия: не надо думать, что молодые люди настолько глупы, чтобы не отличить хорошей рок-музыки от плохой.

Вот это доверие к слушателям и исполнителям было, пожалуй, самой характерной чертой фестиваля. Потому, кстати, показалась не просто «старомодной», но и просто не соответствующей общей настроенности и исполнителей, и публики режиссура праздника. Старые стандарты — с «фоновой трибуной» (дети с цветными флажками, образующие разные фигуры), на месте которой охотно разместились бы не попавшие в зал зрители, с церемонией открытия, где в обилии хоровых коллективов участники фестиваля просто затерялись,— уже не срабатывают. Борьба за мир — дело каждого, может, надо было бы без помпы, попроще, подемократичнее, что ли?

Но не забудем: это первый опыт. Комсомол выступил с отличной инициативой. Здесь есть над чем работать, и работать здесь интересно.

Л. ЗАХАРОВ

Фото А. КОНДРАТЬЕВА

Киев

со стр. 25 ▼

Когда я наконец поняла, что из большой темной дудки с чудным названием «кавал» звук извлечь принципиально невозможно, так как весь корпус этой дудки усеян аккуратными круглыми отверстиями и с двух концов — тоже отверстия, и совершенно неясно, куда же тут надо дуть и надо ли дуть вообще, когда я наконец, гордясь собственной проницательностью, поняла, что держу в руках никакой не музыкальный инструмент, а красивый, но, увы, немой сувенир, Владимирский поднес кавал к губам, и...

Выражение «полилась музыка» не оригинальнее рифмы «кровь — любовь». Но что я могу сделать, если музыка действительно полилась? Мелодия вытекала тоненькой струйкой, закручивалась в воздухе, и получался хрупкий узор, очень необычный узор, потому что увидеть его нельзя, а можно только услышать.

Кавал оказался сто первым инструментом в коллекции «Гренады». Ансамбль гастролировал в Болгарии. После концерта за кулисы пришли трое зрителей. «Говорите, на ста инструментах играете,— сказал один из них и протянул Владимирскому кавал,— а вот на таком пробовали? Не совладать вам с ним!» — и ушли, пообещав подарить кавал «Гренаде», если музыканты сумеют раскрыть секрет игры на нем. Условие почти как в сказке: рассмешишь Несмеяну — бери ее в жены.

Концерт от концерта отделяла одна ночь. Сергей Владимирский провел ее, исследуя необычный инструмент. Рассмешить Несмеяну оказалось очень нелегко. Система отверстий кавала действительно не имела аналогов. И все-таки...

И все-таки наутро Владимирский в инструментальной пьесе исполнил соло на кавале. Болгары, принесшие инструмент, были поражены. Уговор есть уговор. Кавал остался в «Гренаде». Его бывшие владельцы, кстати, заметили, что именно на кавале играл легендарный Орфей... На робкое возражение, что, по преданию, Орфей играл на кифаре, болгары ответили просто и убежденно, что им, как жителям Балкан, виднее.

«Экскурсия» продолжается. Банджо, которое можно увидеть и услышать на всех концертах «Гренады», попало в коллекцию путем относительно обычным. Оно было куплено в ГДР, в антикварном магазине. Но каким образом оказалось оно там на прилавке, толком никто не знал. Сколько инструменту лет, кто его изготовил, кто на нем играл — эти и другие вопросы оставались неразрешенными. Оставались до тех пор, пока Сергей Владимирский, перерыв горы книг, не наткнулся в одном немецком издании на фотографию оркестра Луи Армстронга, датированную 1922 годом. На снимке у ног знаменитого музыканта лежит то самое банджо. Изображение очень четкое, достаточно взглянуть на фотографию, чтобы убедиться: банджо, запечатленное на ней, и банджо, что в руках у Владимирского,— один и тот же инструмент.

Чаранго... Миниатюрная, на игрушку похожая гитара — нет, и не гитара даже, чаранго только похож на гитару, а на самом деле это совершенно другой инструмент, и строй у него особый, не гитарный, и сделан он не из дерева, не из пластика, а из... панциря броненосца! С тыльной стороны чаранго покрыт серым жестким мехом зверька. Владимирский переворачивает инструмент и гладит, словно щенка, по мохнатой спинке. А потом играет на нем...

Комната в квартире Владимирских, где хранится коллекция «Гренады»,— настоящая страна чудес, в ней очень трудно предугадать, как поведет себя тот или иной предмет. Беру обыкновенный черный фломастер, снимаю колпачок, и выясняется, что писать этим фломастером нельзя, но зато можно сыграть на нем любую нехитрую мелодию, потому что из корпуса бывшего фломастера умные руки Сергея Владимирского давным-давно смастерили дудочку.

У стены стоит средних размеров столик, на нем яркое покрывало. Стол как стол, я бы и не обратила на него внимания, если бы Владимирский, подойдя, не заиграл на нем, постукивая деревянной палочкой прямо по покрывалу, извлекая звонкую и чистую мелодию. Ничего странного. Почему бы человеку, играющему на фломастере, не поиграть и на столе? Правда, оказывается, я опять ошиблась, и не стол это вовсе, а музыкальный инструмент, родом из Никарагуа, и называется он маримба. Владимирский играет, видимо, просто забыв откинуть покрывало. Впрочем, это ему нисколько не мешает. Я хочу удивиться, но вспоминаю, что вчера, когда

«Гренада» ждала машину, чтобы ехать на концерт, Сергей от нечего делать играл на мандолине, тоже «забыв» снять футляр,— и не удивляюсь...

3. АНСАМБЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПЕСНИ. 4 февраля 1975 года родился ансамбль «Гренада». И не просто ансамбль — ансамбль политической песни. Тогда, двенадцать лет назад, слова «ансамбль политической песни» казались — как бы это мягче сказать? — странными. Потому что «Гренада» была, пожалуй, первым советским ансамблем, имевшим смелость заявить о себе как об исполнителе политических песен.

Для этого действительно нужна была смелость. Хотя бы уже просто потому, что многих зрителей термин «политическая песня» скорее отталкивал, нежели привлекал. Можно представить себе рядом пару афиш. На одной — ярко так и без ложной скромности извещают о своем концерте какие-нибудь «Ультрамариновые гитары». А на другой — прямо скажем, скучновато: «ансамбль политической песни».

Только почему скучновато? «Каменное сердце» не значит «сердце из камня». «Политическая песня» не значит «песня про политику». И если говорить о самых разных «про», то это может быть песня про любовь. Про море. Про друга. Политической песня становится не оттого, что в ней есть слова из газет. Таких слов в ней может и не быть. Дело тут в другом. В значении предлога «про». По-латыни «pro» — это «за». Политпесня — не только «про», но и «за». Про любовь — за любовь. Про друга — за друга. За то, чтобы была любовь, чтобы был друг. За то, чтобы жилось ему на этом свете счастливо.

«Гренада» — ансамбль самодеятельный. Таня Владимирская (художественный руководитель «Гренады») «в миру» — сотрудник Института Латинской Америки. Кандидат исторических наук. Поет, конечно, не только по-испански, а по-испански не только поет, но и говорит, потому что в совершенстве владеет этим языком и занимается переводами.

Сергей Владимирский. Музыкальный руководитель ансамбля. Маэстро-универсал, играющий на всех мыслимых и немыслимых инструментах. Старший научный сотрудник Министерства культуры СССР. Один из немногих исследователей в нашей стране, кто занимается историей музыкальных инструментов.

Виктор Горохов. Пианист. Композитор и импровизатор. Работает учителем истории.

Таня Мешкова. «Заведует» в «Гренаде» ударными. Но, помимо них, владеет еще по меньшей мере десятком инструментов. Работает воспитателем в общежитии и ухитряется еще и учиться на вечернем отделении пищевого института.

Наташа Павлова. В полиинструментализме не отстает от Тани. Художественный руководитель одного из московских Дворцов культуры. А еще руководит ею же созданным ансамблем политпесни «Колокол», в котором участвуют старшеклассники.

Андрей Павлов. Можно и не говорить, что он, как и все в «Гренаде»,— мультиинструменталист. Руководитель ансамбля политической песни Бабушкинского Дома пионеров.

И все шестеро поют.

4. «ПОСТОРОННИМ ВХОД РАЗРЕШЕН». Возле здания Института Латинской Америки строится новый выход метро, и потому добраться до этого здания непросто. Наконец вхожу в актовый зал института, где уже, судя по времени, началась репетиция «Гренады». Вхожу — и оказываюсь не иначе как на научной конференции. Зал полон людей, свободных мест очень мало, все присутствующие внимательно смотрят на небольшую сцену. А я ворвалась туда, куда, видимо, «посторонним вход воспрещен», но, приглядевшись (и прислушавшись), понимаю — здесь идет репетиция «Гренады». А раз так, значит, посторонним вход разрешен.

Нетипичное в общем-то явление: ансамбль репетирует при полном зале. Можно прийти вечером в актовый зал Института Латинской Америки, сесть в кресло и слушать, как репетирует «Гренада», и никто вас не спросит, зачем пожаловали, и никто вас не прогонит. Двери раскрыты настежь, и — «посторонним вход разрешен». Это, наверное, потому, что, побыв несколько минут в зале, просто перестаешь быть посторонним...

— ...Так, теперь — «Четыре генерала».— Владимирский подстраивает бандолу.— Готовы?

Не готовы. Маленькая заминка: Андрей Павлов — «по леву руку» — виолончель, «по праву руку» — аккордеон, на коленях — гитара,— не может вспомнить, на чем он играет в этой песне. После двух с лишним часов репетиции, когда то и дело меняешь инструменты в зависимости от песни, немудрено и запутаться в конце концов. Общими усилиями выясняют, что играть здесь Андрею на гитаре. Теперь готовы. Поехали!

Поехали. «Четыре генерала» — песня испанских республиканцев, ее «Гренада» готовит для своего диска «Но пасаран!», который будет посвящен пятидесятилетию участия интербригад в гражданской войне в Испании. Очень задорная и оптимистичная песня. Бравые генералы ведут свои войска к Мадриду. Но ничего не выйдет у вас, господа генералы, и не надейтесь. Народ, господа генералы, так просто не сдается.

Положено на репетиции аплодировать или нет, не знаю. Зрители аплодируют. Оценка зала, увы, не совпадает с оценкой Владимирского.

— Это черт знает что,— тихо и обреченно говорит он. У него вид приговоренного к смертной казни, смирившегося со своей жуткой участью.— Никуда не годится. Кошмар. Нет, хуже. Конец света. Вы что?

Преступление состоит в том, что кто-то спел несколько нот с кем-то в унисон. Да и спели не с тем характером. Вообще без характера спели, оказывается.

Начинают строить голоса. Строить — в буквальном смысле слова. По кирпичику — по ноте. Выверяется каждый звук. Голоса не должны совпадать. Это раз. Они должны соответствовать гармоническим законам. Это два. Они должны не просто красиво, а очень красиво сочетаться друг с другом. Это три. Три кита, на которых стоит вокальная партия.

Поют еще раз. После каждых двух куплетов — инструментальный проигрыш. Между Владимирским и Гороховым налажена прочная телепатическая связь.

— Витя, вот так бы тут надо.— Владимирский, не прекращая играть, напевает что-то невероятно испанское и еще более невероятно замысловатое. В ту же секунду пианино Горохова подхватывает мелодию. И как подхватывает! Владимирский развел бы удивленно руками, если бы руки не были заняты бандолой. Горохов невозмутимо спокоен: чего уж там...— и только пальцы в неистовом ритме летают по клавишам, и дух захватывает от его импровизаций...

Теперь Таня Мешкова берет кастаньеты. Суховатая чечетка вплетается в поток звуков и тут же исчезает: не то.

— Танечка, попробуй румбу,— советует Владимирский. Сотни маленьких колокольчиков, звонких и задиристых, врываются в мелодию. Как будто яркий луч внезапно освещает песню, нет, верней, сама песня начинает светиться изнутри. То, что нужно.

— Сейчас было почти хорошо,— Владимирский подводит итог,— давайте еще раз.

Повторяют еще раз. И потом еще. В конце концов Владимирский, так и не сумев найти, к чему теперь можно придраться, говорит: «Порядок. Наметки есть. Конечно, еще надо работать...»

Надо работать. Надо обтачивать гитарные и фортепьянные партии с терпением каменотесов, надо «знакомить» разнозвучные, никогда в жизни не встречавшиеся инструменты между собой и искать и находить одну общую душу в мелодиях, которые звучат в Данакильской пустыне, на гамбургских судоверфях, в сальвадорских лесах или на площадях Буэнос-Айреса. Надо быть терпеливым и добрым с этими песнями. Иначе с ними обращаться нельзя.

Это песни, перед которыми снимают шляпу.

Это песни, которые рождались на скользком от крови каменном полу чилийских тюрем, и песни, сложенные у партизанских костров Великой Отечественной; песни, с какими шли в атаку бойцы интербригад, и песни, что звучат сегодня в колоннах Марша мира.

Это песни борьбы, любви и надежды.

Это политические песни.

ВОСХОЖДЕНИЕ К ПОБЕДЕ!

Уильям ГАРНЕР,
американский альпинист

Пробиваясь сквозь рыхлый снег, я пытался отыскать взглядом наши палатки. Напрасно. С наступлением ночи 30-градусный мороз и ветер, несущийся со скоростью 80 миль в час, начали выжигать зловещие белые пятна на лицах. Порывы ветра сбивали с ног, но шедший со мной в связке советский альпинист Виктор страховал надежно. Около 10 вечера, изнуренные четырнадцатью часами борьбы со стихией в условиях разреженного воздуха, мы прекратили поиски палаток и собрались вместе, чтобы обсудить положение.

Мы, трое американцев и двенадцать русских, оказались затерянными на высоте в 20 тысяч футов. Кто-то предположил, что мы уже прошли то место, где стояли палатки, не заметив их; другие уверяли, что палатки сдуло ветром. Оставалось одно — срочно копать ямы в снегу, чтобы укрыться от пурги.

Дэвид, американец-оператор, убежденный, что палатки находятся где-то неподалеку, взял инициативу в свои руки. Он передал мне свою кинокамеру и двинулся вперед в связке с Николаем и Валентином, руководителями советской команды. Три ветерана, покорителя Эвереста,— двое русских и американец, дважды восходивший на эту вершину,— отправились искать наш лагерь. Остальные осторожно шли за ними.

По иронии судьбы, лишь 20 минут ходьбы отделяли нас от палаток — мы их обнаружили всего в нескольких сотнях метров после очередного подъема. Пик Победы — коварная вершина, погубившая немало альпинистов, поиграв с нами в прятки, все-таки позволила выиграть.

Дэвид Бришерс, Рэнди Старрет и я стали первыми американскими альпинистами, поднявшимися на пик Победы, горную вершину в 7439 метров, находящуюся на Тянь-Шане.

Для Рэнди и меня это восхождение завершало нашу четырехлетнюю подго-

товку: мы собирались первыми среди иностранных альпинистов добиться значка «Барс снегов», который вручают покорителям четырех высочайших вершин в Советском Союзе: пика Коммунизма (7495 метров), пика Победы (7439 метров), пика Ленина (7134 метра) и пика Е. Корженевской (7105 метров). Мы отправились на штурм вершины в составе совместной советско-американской экспедиции, и это для нас было самым примечательным в этом восхождении.

Я приехал в Советский Союз по программе студенческого обмена — готовил диссертацию по оборонной политике СССР. Узнав о значке, ради которого надо покорить четыре вершины, я позвонил Рэнди, моему давнему партнеру по альпинизму, адвокату из Вашингтона. Он согласился следующим летом попытаться совершить восхождение на пик Коммунизма.

Мы с Рэнди поднялись на пик Коммунизма в 1982 году. Через два года мы вернулись на Памир и за одно лето поднялись на пик Ленина и пик Е. Корженевской. Оставалась непокоренной лишь одна вершина. Впервые я услышал о «характере» пика Победы в Москве летом 1981 года. Борис Гаврилов, дважды покорявший эти четыре высочайших пика, показал мне фотографии подъема на пик Победы и рассказал о трагедии своих друзей, поднявшихся на вершину и погибших из-за непогоды при спуске.

Поставив перед собой цель подняться на пик Победы, мы с Рэнди обратились в Москве к Михаилу Монастырскому, директору Международных альплагерей. Он не мог сам участвовать в восхождении: во время войны он потерял ногу и ходил на протезе. Монастырский показал нам цилиндр, который советские альпинисты отлили из металла, оставшегося на поле Сталинградской битвы. Внутри цилиндра находилась горсть земли Мамаева кургана — мемориала, где покоятся русские воины, отдавшие жизнь за Сталинград. Следующим летом в честь 40-летия Победы союзников (имеются в виду союзники антигитлеровской коалиции — СССР, США, Англия, Франция и др.— *Ред.*) над фашистской Германией, сказал нам Михаил, советские спортсмены собираются доставить цилиндр на пик Победы. Я спросил: можно и я понесу его вместе с ними? Он охотно согласился.

В начале 1985 года Спорткомитет СССР начал подготовку к организации первой совместной советско-американской экспедиции на пик Победы. Наша команда прилетела в Москву 22 июля. Мы с Рэнди с радостью узнали, что в составе экспедиции и наши старые друзья Олег Борисенок и Виктор Масюков, с которыми мы вместе совершали восхождение на пик Коммунизма.

Пребывание на Памире не сводилось к одним только тренировкам. По вечерам в базовом лагере устраивались конкурсы песен, жена Рэнди Маргарет играла на гитаре, а Дэвид и русские парни рассказывали о своих восхождениях в Гималаях. Мы быстро подружились, что было очень приятно, так как мы знали — скоро будем связаны одной тонкой жизненной нитью на очень опасной горной тропе.

С Памира к пику Победы мы летели самолетом через города Ош и Пржевальск. На базаре в Оше запаслись дынями и свежими фруктами. Продавцы-узбеки, смеясь, отказались брать с нас деньги, узнав, что мы американцы.

14 августа вертолет доставил нас к лагерю на леднике под грозным массивом пика Победы. Здесь мы встретили нашего друга Виктора Масюкова. Снежные штормы, следовавшие один за другим, не выпускали его группу из снежных пещер, не позволяли ей подняться выше лагеря.

На следующее утро встал вопрос, состоится ли восхождение вообще. Весь опыт предшествующих экспедиций предостерегал от неоправданного риска, несмотря на то, что впервые за несколько недель небо очистилось.

«В условиях сильных снежных бурь мы почти не имеем шансов на успешный штурм пика в оставшиеся две недели»,— объявил руководитель экспедиции Анатолий Овчинников. Вместо этого он предложил подняться на соседний пик Хан-Тенгри, пятую высочайшую вершину в Советском Союзе,— 6995 метров.

Николай Черный высказался еще более жестко: «В прошлом году были прекрасные погодные условия и хороший наст на пике Победы, но шестеро альпинистов погибли. В этом году условия самые скверные на моей памяти. Чудес не бывает».

Наш разговор несколько раз прерывался грохотом лавин. Это как бы подчеркивало непредсказуемость положения: несмотря на сильные снегопады в течение последних недель, с наиболее опасных склонов тогда не сошло ни одной большой лавины. «Так что же вы, американцы, намерены делать?» — спросил Анатолий.

Окончательное решение о восхождении на ту или иную вершину было сугубо личным и в то же время касалось всей группы. Каждый альпинист рисковал не только собственной жизнью, но и брал на себя серьезную ответственность за товарищей по команде.

«Давайте подумаем до завтра»,— предложил я, прикидывая, что, возможно, нам удастся подняться хотя бы на Хан-Тенгри.

В то утро, на которое первоначально было назначено восхождение, я сидел рядом с Анатолием за чашкой кофе, глядя, как солнце поднимается по небу, уже второй день совершенно безоблачному. Мы все обсудили, сказал я ему, и хотели бы по крайней мере подняться на 12 миль вверх по леднику и изучить состояние снега на пике Победы с более близкого расстояния.

Анатолий кивнул. «Но это займет два дня и лишит нас сколько-нибудь реальной возможности подъема на Хан-Тенгри»,— предупредил он. Валентин Иванов, наш старший тренер, дал свою окончательную оценку шансов достичь пика: «Даже теперешняя ясная погода не снимает опасности схода лавин в ближайшие дни,— заметил он.— Скоро снова начнутся снежные бури — осталось всего несколько дней. В лучшем случае у вас четыре шанса из ста на успех». Но я уже понял по улыбкам моих советских друзей, что было принято важное решение: советско-американская экспедиция выступает на штурм вершины.

Вечером того же дня мы праздновали свое прибытие в первый лагерь на северном склоне у основания пика Победы. Наши советские друзья несли почти весь запас продовольствия, чтобы разгрузить нас, несших съемочное оборудование. Мы были поражены, когда они выложили самое разнообразное угощение, просто роскошное по самым высоким альпинистским стандартам. Чтобы не ударить в грязь лицом, мы извлекли наши американские запасы.

Николаю очень нравилось поддразнивать нас за святую веру в американскую технологию. Когда мы расхваливали невероятную надежность нашего 5,5-миллиметрового страховочного шнура «Кевлар», он шутя говорил: «И охота вам возиться с этим клубком ниток?» Но он был искренне восхищен куполообразными палатками, которые мы подарили советской команде.

Следующие два дня ушли на подъем к промежуточному лагерю на высоте 19 тысяч футов над ледяными скалами и путями схода лавин. Мы с Рэнди шли в одной связке, держась близко от Олега. В одном месте путь преградил 40-футовый ледяной навес. Олег исчез прямо над ним. Рэнди отыскал дорогу справа и скрылся из виду. Сквозь свист ветра я вскоре услышал их крики с противоположных сторон — на английском и на русском,— указывающие, куда лучше двигаться. После того как мне не удалось зацепить страховочную петлю за край навеса, я стал карабкаться прямо вверх по веревке, которую мне сбросил Рэнди. Вдруг я оступился. Рэнди попытался туго натянуть веревку, чтобы я мог закрепиться, но она вдруг дернулась вправо и с размаху ударила меня о стену. Я поднялся и попытался двинуться вправо, когда прямо надо мной появился Дэвид. «Почему бы тебе не подняться прямо вверх?» — дружески предложил он. «Отстань со своими советами»,— прорычал я.

Дэвид быстро доказал, что умеет гораздо больше, чем обычный оператор. Двигаясь в связке с Валерием Хомутовым и Володей Пучковым, он полностью делил с ними трудности лидеров, прокладывающих путь в глубоком по грудь снегу. Ему также приходилось определять лавиноопасность снежных массивов: в одиночку он отправлялся копать ямки и брать пробы, шагая через трещины в нависших на склонах снежных глыбах, подстраховываемый веревками: если идущего впереди накроет и погребет лавина, веревки укажут спасателям место, где его искать.

В лагере на высоте 19 тысяч футов мы вырыли глубокие платформы. Не успели мы закрепить палатки, как разыгралась

пурга. В течение ночи, дня и следующей ночи мы находились в снежной тюрьме под тремя футами снега. В унынии жуя бутерброды, мы с беспокойством обсуждали, что будем делать, когда буря утихнет. «Спускаться сейчас вниз — почти наверняка угодить в лавину»,— предупреждал Николай. Вверху над нами снежный покров не позволял не то что взобраться, но даже как следует разглядеть вертикальную скалу из камня и льда высотой 4 тысячи футов, отделявшую нас от западного склона пика Победы.

Мы с Дэвидом в палатке Николая обсуждали дальнейшие планы, как вдруг услышали сквозь пургу слабый крик Рэнди: «Пока вы болтаете, мою палатку почти что засыпало лавиной».

Но он был цел. Еще до обвала Рэнди считал, что пока надо оставаться здесь, Дэвид советовал спускаться вниз, если условия не улучшатся. Я голосовал за дальнейшее восхождение. «Что намерены делать американцы?» — донесся по радио голос Анатолия с базового лагеря. Николай ответил: «Вам известна эта сумасшедшая американская демократия — у каждого свое мнение».

Но удача сопутствовала нам. Пурга закончилась бешеным ветром, который начисто сдул снег с обледеневших скал, через которые пролегал наш путь. Обозревая открывшуюся картину, Валентин объявил: «Наши шансы достичь вершины повысились до 5 процентов». И все же уверенность наша росла. Спустя два дня на гребне всего на 1400 футов ниже вершины мы соорудили промежуточный лагерь, но до места, откуда начинался крутой подъем на пик Победы, все еще оставалось 4 мили.

Этой ночью Дэвид и Рэнди обложили меня бутылками с горячей водой: я промерз, долго натягивая палатку вместе с советскими друзьями. Но, несмотря на головную боль и тошноту из-за большой высоты, я долго не мог уснуть — я ждал осуществления своей мечты.

«Будем надеяться, погода не испортится»,— заметил Олег, когда на следующее утро при легком снегопаде мы выступили к вершине. Ветер набирал силу. К полудню мы остановились отдохнуть и перекусить под самой вершиной. Николай предупредил нас: «Многие погибали, возвращаясь в темноте. Мы должны начать спуск в четыре часа». И тогда Паша сказал, что оставшуюся часть пути он хотел бы нести контейнер со сталинградской землей один. Я понял его.

Мы с Рэнди в одной связке ринулись в последний бросок. Дэвид с Володей и Валерий шли впереди. На утрамбованном снегу наши ботинки с шипами почти не оставляли следов.

Я заметил, что Рэнди сплевывает кровь. Она становилась все ярче — опасный признак легочного кровотечения. Когда я приблизился к нему, чтобы узнать, как он себя чувствует, он сказал, что все в порядке: «Это из носа, пошли дальше!»

Дэвид и шестеро русских исчезли за последним подъемом, а Николай и пятеро других альпинистов шли за нами следом. С томительным чувством я следил, как шаг за шагом Рэнди решительно продвигается к ближайшей вершине пика. Я взглянул на часы. Было 4 часа 40 минут пополудни 22 августа 1985 года.

Рэнди закричал, что видит остальных через ложбину неподалеку от ближайшей вершины. К нам подошел улыбавшийся Виктор, я спросил: «Тебе не кажется, что здесь повыше?» — «Уильям, ответил он просто,— мы дошли!» Неподалеку Юрий закапывал контейнер, а Николай уже отдал сигнал собираться и начинать спуск.

После мучительного ночного возвращения в промежуточный лагерь, когда мы не могли найти палатки, наш двухнедельный спуск к базовому лагерю показался просто приятной прогулкой. Последний день был безветренным, ясным и относительно теплым. Мирные небеса, казалось, отражали наше настроение, радостное оттого, что за грозившим нам поражением последовала победа.

Этой ночью на прощальном вечере в базовом лагере американцы и русские произносили торжественные спичи. Они не касались политики, а чувства, стоявшие за ними, были исключительно сердечными, как и записка, оставленная Дэвидом, Рэнди и мной на вершине горы и адресованная тем, кто придет следом за нами:

«Мы, американская команда в первой совместной советско-американской экспедиции на пик Победы, совершили это восхождение, чтобы продемонстрировать народам наших двух стран, насколько ценно научиться делить опасности вместе...»

Это была победа, в которой участвовали все.

Перевела с английского А. ГРАЧЕВА

На первой странице обложки: на пресс-конференции, посвященной XX форуму «Юность в борьбе за свободу и мир», комсомольцы-школьники столицы отвечали на вопросы журналистов, рассказывали о своих делах и планах.

Фото А. ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

В НОМЕРЕ:

Дорогие друзья, отвечаем на ваши вопросы. Как нам сообщили в Главном управлении Союзпечати СССР, подписка на «Ровесник» продолжается во всех отделениях связи. Подписавшись на «Ровесник» до 13-го числа текущего месяца, вы начнете его получать через два месяца.

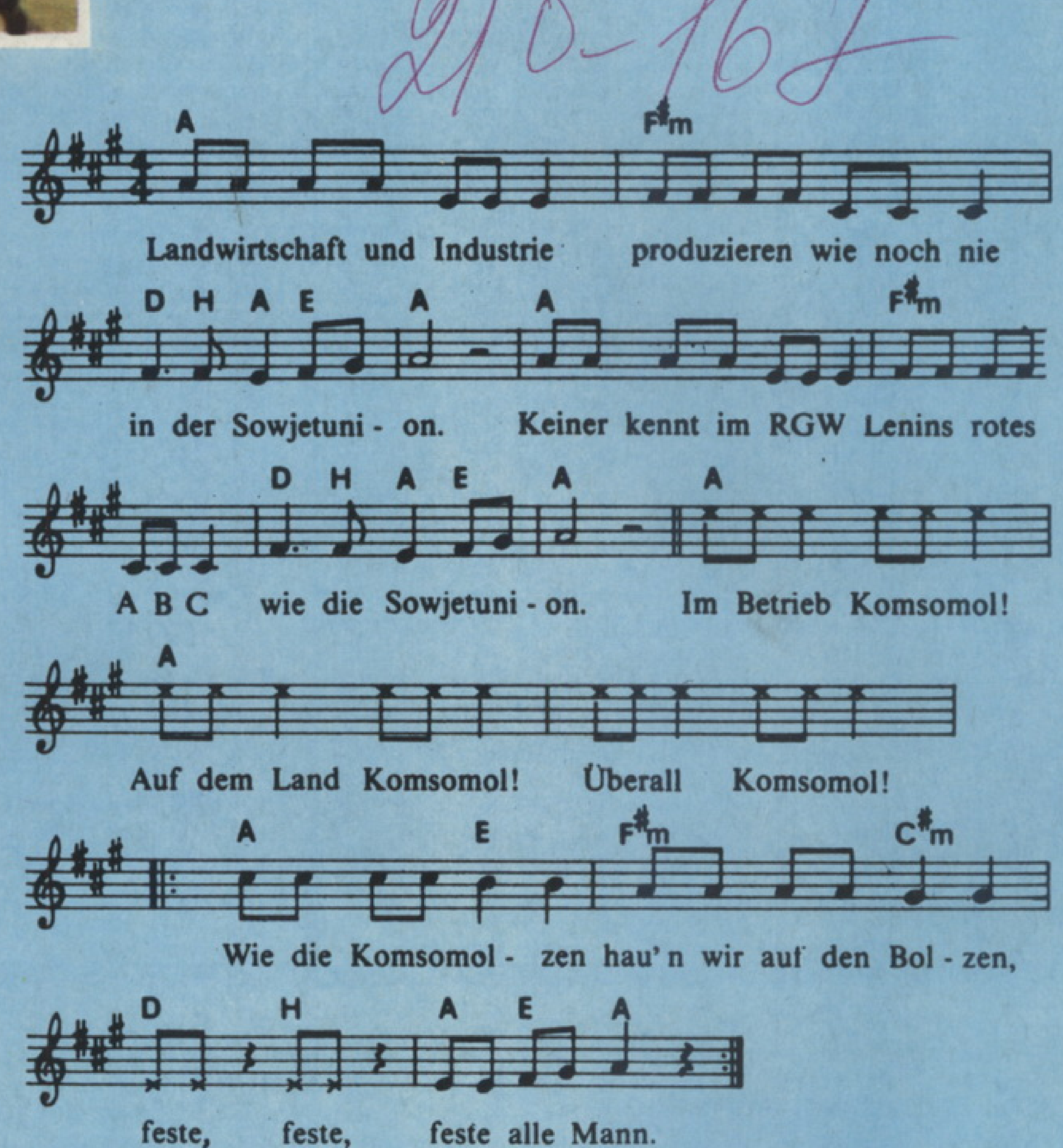
Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-20. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 05.02.87. Подписано в печ. 13.03.87. А00997. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 1 500 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 39.

Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

У этой задорной песни — «Мы — как комсомольцы» — любопытная история. Не удивляйтесь, что мелодия покажется вам знакомой: ее принесли в освобожденную от фашизма Германию советские солдаты, и она прижилась в ГДР. А в 1974 году участники ансамбля политической песни «Октоберклуб» написали на старую русскую мелодию новые слова: «Комсомольцы в Советском Союзе работают в колхозах, на стройках, на фабриках. Мы тоже, как и советские комсомольцы, участвуем в жизни нашей страны. Мы вместе с комсомольцами строим газопровод, наши ребята из Союза свободной немецкой молодежи приезжают в СССР. Да вы только послушайте, как мы блестяще говорим по-русски: «Нина, Нина, там картина, это трактор и мотор...» Здорово, правда! Мы, как и комсомольцы, любим хорошо поработать, пошутить и повеселиться — ведь мы молоды, как комсомольцы, и веселая песня нам очень нужна».

2. Hier weiss selbst die dümmste Trine:
Ol kommt aus der «Pipeline» —
aus der Sowjetunion.
Hört man auch den Westen nölen:
RGW kann sich beölen
dank der Sowjetunion.
Припев.

3. Auf den Transparenten stand:
Sowjetunion — Reiseland!
Auf zur Sowjetunion!
Komm Se mal und sehn die Sachen,
die die Komsomolzen machen
in der Sowjetunion!
Припев.

4. Jeder FDJler spricht
russisch wie ein Russe nicht
in der Sowjetunion.
Nina, Nina, tam kartina
eto traktor i motor —
aus der Sowjetunion!
Припев.

5. Auch ist FDJ-Beschluss,
dass man zündend singen muss —
wie die Sowjetunion.
Fehlen dann die neuen Lieder,
sing'n wir eb'n die alten wieder
aus der Sowjetunion.
Припев.

Индекс 70781
Цена 35 коп.